

ДМИТРИЙ УРУШЕВ

СВЯТАЯ РУСЬ

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ
СТАРООБРЯДЧЕСТВА

«Дмитрий Урушев сделал для истории старообрядчества
то же, что Николай Карамзин для русской истории».

ГЕОРГИЙ БОВТ, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «РУССКИЙ МИР.RU»

Дмитрий Урушев

**Святая Русь. Подлинная
история старообрядчества**

«ЭКСМО»

2017

УДК 281.93
ББК 86.372

Урушев Д. А.

Святая Русь. Подлинная история старообрядчества /
Д. А. Урушев — «Эксмо», 2017

ISBN 978-5-699-96435-2

Книга историка-религиоведа Дмитрия Александровича Урушева посвящена старообрядчеству. История этого исконно русского духовного движения от трагического раскола середины XVII века до наших дней предстает в портретах выдающихся его деятелей (протопоп Аввакум, боярыня Морозова и др.), в рассказах о достопамятных событиях, традициях и культурных особенностях. Книга написана на богатом фактическом материале, что не лишает ее легкости стиля и простоты изложения. Она будет интересна самой широкой читательской аудитории, не только подготовленным специалистам, но и людям, впервые услышавшим о старообрядчестве.

УДК 281.93
ББК 86.372

ISBN 978-5-699-96435-2

© Урушев Д. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

От автора	5
История Православной Старообрядческой Церкви	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	57
Глава 11	63
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Дмитрий Урушев

Святая Русь. Подлинная история старообрядчества

Посвящаю моей матери

От автора

Епископ Евсевий Кесарийский (ок. 263–340), которого часто называют «отцом церковной истории», писал: «Другие в своих исторических повествованиях обязательно пишут о воинских победах, о трофеях, о подвигах военачальников и доблести воинов, запятнанных кровью и убийствами, совершенными ради своих детей, родины и всякого богатства. Наше слово, повествующее о том, как жить в Боге, запишет на вечных скрижалях тех, кто вел мирную войну за мир своей души и мужественно сражался за истину, а не за родину, за веру, а не за близких. Оно возгласит непреходящую память о сопротивлении борцов за веру, об их многострадальном мужестве, о победе над демонами и незримыми противниками и о венцах, за все это полученных»¹.

Мог ли я подумать, в апреле 1997 года впервые придя на молитву в старообрядческий Никольский храм у Тверской заставы, что когда-нибудь и мне доведется записывать на вечных скрижалях имена мучеников и исповедников, страдавших за истинную веру, за свято-отеческое православие, за древнее благочестие? Ведь вся история старообрядчества – это история непрерывного страдания за Христа.

За двадцать лет многое было написано, обдумано и пережито. И сегодня я считаю своим приятнейшим долгом высказать искреннюю признательность всем, кто два десятилетия словом и делом помогал мне в писательском скрипучем застольном труде, поддерживал и укреплял.

От всей души благодарю священника Алексея Лопатина – настоятеля Никольского храма, доктора филологических наук Елену Михайловну Юхименко и иконописца Бориса Владимировича Кисельникова.

Особая признательность моей супруге Татьяне Ярославовне – первой читательнице, редактору и корректору этой и прочих книг. Низкий поклон моим родителям Александру Владимировичу и Татьяне Терентьевне. Дорогой маме, празднующей славный юбилей, я и посвящаю эту книгу.

Урушев Д.А.
член Союза журналистов России,
член Союза писателей Москвы

¹ Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993. С. 157.

История Православной Старообрядческой Церкви

Глава 1 Падение Царьграда

Церковный раскол XVII века – важнейшее событие русской истории. Им объясняется все, что происходит с нами от дней царя Алексея Михайловича доныне. Даже трагедии новейшего времени – гибель Российской империи, развал Советского Союза, смута на Украине – были предопределены в середине XVII столетия.

Раскол произошел не только из-за введения новых богослужебных обрядов, но и по политическим причинам. Виноваты в расколе не только царь Алексей и патриарх Никон, как принято считать, но и турецкие султаны XV века. Именно они уничтожили великую Византию – крестную мать и духовную наставницу Руси.

Греки-византийцы, от которых в X столетии наши предки приняли христианство, считали себя наследниками Римской империи и называли себя ромеями – римлянами. Этим они напоминали всем народам, что их держава – преемница Древнего Рима, которому некогда принадлежало полмира. Свою столицу – блистательный Константинополь-Царьград – греки называли Новым, или Вторым, Римом.

Но проходили века, Византия слабела и лишалась былого могущества. С востока на нее нападали турки-магометане. Их бесчисленные полчища захватили и поработили греческие земли и соседние страны, в том числе и славянские – Болгарию и Сербию. И к XV веку от обширного христианского государства осталась одна столица, со всех сторон окруженная nepřательской турецкой державой – Османской империей.

Предпоследний греческий царь Иоанн VIII Палеолог решил искать помощи против мусульман у франков – так византийцы называли католическое население сильной и богатой Европы. Условие этой помощи было давно известно: православные народы должны признать Римского Папу духовным властелином всего христианского мира.

После длительных переговоров в 1439 году во Флоренции царь греческий и Папа Римский подписали унию – соглашение об объединении Восточной и Западной Церквей. Но большинство православных народов не согласилось на вероотступничество и не приняло унию.

Византийский богослов Геннадий Схоларий грозил сторонникам унии, предрекая скорое падение Константинополя и рабство греков: «Несчастные ромеи! Чего вы смутились и удалились от надежды на Бога? Зачем понадеялись на помощь франков и вместе со столицей, которой суждено погибнуть, утратили и веру вашу? Милостивый Боже мой! Свидетельствую пред лицом Твоим, что неповинен я в таковом грехе. Знаете ли, несчастные граждане, что вы делаете? С порабощением, которое сбудется над вами, утратили вы отеческое предание и исповедали нечестие. Увы, горе вам в день судный»².

Среди православных иерархов, подписавших во Флоренции унию, был предстоятель Русской Церкви – митрополит Исидор. В ту пору наша Церковь подчинялась константинопольскому патриарху. Поэтому Исидора назначили в Царьграде в 1437 году без согласия великого князя Василия II Темного.

Однако на Руси митрополита встретили радушно. Вскоре архиерей уехал в Италию на церковный собор, созванный для подписания унии. Провожая Исидора, князь напутствовал:

² Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. 5. М., 2002. С. 527.

– Смотри же, приноси к нам древнее благочестие, какое мы приняли от прародителя нашего Владимира, а нового, чужого не приноси. Если же принесешь что-нибудь новое и чужое, то мы не примем³.

Исидор клялся не изменять истинной вере, но на соборе горячо поддержал унию православных с латинянами и охотно подписал ее от имени Русской Церкви. За это Папа обласкал и щедро наградил грека.

В марте 1441 года митрополит вернулся в Москву легатом – почетным представителем и полномочным посланником Римского Папы. Исидор торжественно вступал в город, а перед ним несли крыж – четырехконечный латинский крест. Столичные жители в ужасе взирали на это шествие. Митрополит вошел в Благовещенский собор Кремля и началось торжественное богослужение.

Когда Исидор провозгласил многолетие Папе, Василий гневно воскликнул:

– Остановись, изменник! Ты не пастырь, а волк хищный!

В наступившей тишине грозно прозвучало повеление князя:

– В темницу его! Под замок! На цепь!

Исидора схватили и бросили в тюрьму. Но греку удалось бежать из-под стражи и покинуть Москву. Собор русского духовенства осудил Исидора и избрал новым митрополитом русского епископа Иону. С этого времени начинается автокефалия⁴ московской митрополии, впоследствии преобразованной в патриархию.

В 1451 году на престол Османской империи взошел новый правитель – султан Магомет II. Историк XIX века писал о нем: «Он любил литературу, владел шестью языками, был сведущ в истории, в астрологии. Он покровительствовал итальянскому художнику Беллини⁵. Но эти вкусы, редкие у османов, не смягчали суровости его характера... Он проливал кровь, как воду, и никогда не задумывался приносить в жертву людей, не нравившихся ему, обыкновенно приказывая их распиливать надвое. Точно так же он марал себя постыдными сладострастными вожделениями, которым слишком часто подражали его преемники»⁶.

Известно, что у развратного Магомета было два гарема. Один – из девушек и девочек. Другой – из юношей и мальчиков.

В 1452 году мусульмане начали открыто готовиться к войне с христианами. Последний греческий император Константин XI Палеолог поспешил запастись всем необходимым для обороны Константинополя. В город завозились боеприпасы и продовольствие, спешно приводились в порядок стены и башни.

Константин понимал, что греки не смогут сами защитить город. Он просил о поддержке правителей Европы и Папу. Из Рима в Царьград был послан кардинал Исидор, бывший московский митрополит. Он прибыл без войска, только с небольшой охраной. Начались долгие переговоры, то и дело переходившие в споры между Исидором и православным духовенством во главе с Геннадием Схоларием.

Желая ускорить отправку европейских войск в Константинополь, император разрешил Исидору отслужить литургию по католическому обряду в главном храме Константинополя – великой церкви Святой Софии. Что и свершилось 12 декабря 1452 года.

Это вызвало бурю негодования со стороны горожан. Они в гневе кричали:

– Не нужно нам ни помощи латинян, ни единения с ними!

Флотоводец Лука Нотара, ярый противник унии, говорил:

– Лучше увидеть царствующей среди города турецкую чалму, чем латинскую тиару.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 2. М., 1988. С. 563.

⁴ Автокефалия – церковное самоуправление, независимость.

⁵ Беллини Джентиле (ок. 1429–1507) – венецианский художник-портретист.

⁶ Колла Л. III. История Турции. СПб., 1882. С. 20–21.

Несчастный, он и не знал, что эта чалма убьет его самого и его сыновей.

В апреле 1453 года турецкое войско с суши и с моря окружило Константинополь. Началась долгая осада. Басурмане ежедневно обстреливали город из пушек и ходили на приступ. Но христиане умело оборонялись, отражая один натиск за другим. И это было удивительно, ведь на стенах города вместе с опытными воинами стояли необученные купцы, их слуги, ремесленники и даже монахи.

Впрочем, понимая, что отстоять город не удастся, Константин отправил к Магомету письмо, соглашаясь на любую дань, лишь бы турки отошли от Царьграда. На это султан ответил через послов: «Невозможно, чтобы я удалился. Или я возьму город, или город возьмет меня живым или мертвым. Если же ты хочешь удалиться из него, то после заключения мира я даю тебе Пелопоннес. А им, твоим братьям, дам другие области. И будем друзьями. Если же ты не предоставишь мне входа в город мирно, и я войду в него с боем, то всех твоих вельмож вместе с тобой я поражу мечом. А остальной весь народ отдам на разграбление всем из нашего войска, кто пожелает. И опустеет город»⁷.

Не желая оставлять Константинополь, император не знал, что ответить, и медлил. Тогда султан снова направил к нему послов с предложением: «Знай, что все к штурму уже подготовлено. И теперь наступает время осуществить принятое нами задолго до сего в сердце. Исход же нашего намерения оставляем Богу. Что скажешь? Хочешь ли оставить город и уйти отсюда вместе с твоими архонтами и имуществом их, чтобы народ не потерпел вреда и от нас, и от тебя? Или хочешь сопротивляться, и вместе с жизнью потеряешь и имущество и ты, и те, кто с тобой? А народ, плененный турками, будет рассеян по всей земле»⁸.

На это император ответил: «Отдать тебе город не во власти ни моей, да и не во власти обитающих в нем. Ибо по общему нашему решению все мы добровольно умрем и не пощадим жизни нашей»⁹.

Магомет велел туркам готовиться к последнему приступу. Под стенами Константинополя собралось более ста тысяч мусульман. Им готовились противостоять менее пяти тысяч христиан.

Утром 28 мая 1453 года Константин собрал военачальников. Он умолял их не допустить осквернения иноверцами церковных святынь и не отдать в руки турок женщин и детей. Затем он обошел израненных и усталых ратников и простился с каждым. Многие старые вояки, немало повидавшие на своем веку, не могли сдержать слез.

Вечером Константин, помолившись в храме Святой Софии, направился во дворец, созвал домочадцев и простился с ними. Так поступали все жители города. Друзья и знакомцы со слезами прощались на улицах. Женщины плакали, провожая на последнюю битву отцов, братьев, мужей и сыновей.

Вскоре после полуночи раздался страшный визг и крики – басурмане пошли на приступ. Сам Магомет вел их в бой. Загремели трубы, затрещали барабаны, загрохотали пушки. Но все перекрыл тяжелый гул – колокола храмов Константинополя ударили в набат.

После кровавого боя туркам неожиданно удалось захватить часть стены и поднять над ней свое знамя. Испуганные греки начали отступать. Никто больше не думал об обороне. Только мужественный Константин сражался у городских ворот. Видя себя окруженным мусульманами, он в отчаянии воскликнул:

– Нет ли кого из христиан, чтобы снять с меня голову?

⁷ Византийские историки Дука и Франдзи о падении Константинополя (перевод и предисловие А. С. Степанова) // Византийский временник. Т. 8. М., 1953. С. 397.

⁸ Там же. С. 398.

⁹ Там же. С. 399.

Подбежал турок и сзади нанес смертельный удар мечом последнему греческому императору.

Басурмане, одержимые страстью к разбою и насилию, ворвались в город. Они вламывались в дома, хватая всех, кто был там. В плен брали только молодых, чтобы продать в рабство, стариков убивали, а младенцев выбрасывали на улицу.

Горожане в ужасе устремились к церкви Святой Софии. Скоро огромный храм наполнился беглецами, которые заперлись и молились, ожидая чудесного спасения. Но магометане дошли и до церкви.

Греческий историк Дука, современник падения Царьграда, писал: «Турки, разбегаясь во все стороны, убивая и беря в плен, пришли, наконец, к храму, когда еще не миновал первый час утра. И, увидев, что ворота заперты, не мешкая, разломали их топорами. Когда они, вооруженные мечами, ворвались внутрь и увидели бесчисленную толпу, каждый стал вязать своего пленника, ибо не было там возражающего или не предававшего себя, как овца. Кто расскажет о случившемся там? Кто расскажет о плаче и криках детей, о вопле и слезах матерей, о рыданиях отцов? Кто расскажет? Турок отыскивает себе более приятную. Вот один нашел красивую монахиню. Но другой, более сильный, вырывая, уже взял ее. Причина этой борьбы и захвата – локоны, обнажившиеся груди и сосцы, поднятые от горя руки. Тогда рабыню вязали с госпожой, господина с невольником, архимандрита с привратником, нежных юношей с девами. Девы, которых не видело солнце, девы, которых родитель едва видел, влачили грабителями. А если они силой отталкивали от себя, то их избивали. Ибо грабитель хотел отвести их скорее на место и, отдав в безопасности на сохранение, возвратиться и захватить вторую жертву и третью. Насильничали грабители, эти мстители Божьи. И всех можно было видеть в один час связанными: мужчин – веревками, а женщин – их платками. И можно было видеть непрерывно выходящие из храма и из святилищ храма ряды, подобные стадам и гуртам овец»¹⁰.

Повязав пленников, турки осквернили и разграбили церковь Святой Софии. Об этом Дука писал: «О храме же как я мог бы рассказать вам? Что сказал бы или что крикнул? Прилип язык мой к гортани моей. Не могу я вздохнуть, ибо запечатались уста мои. В одну минуту разрубили собаки святые иконы, похитив с них украшения, ожерелья и браслеты, а также одежды святой трапезы. Блестящие лампы – одни портят, другие забирают. Драгоценные и священные сосуды священного сосудохранилища, золотые и серебряные, и из другого ценного вещества приготовленные, в один момент все унесли, покинув храм пустынным и ограбленным и ничего не оставив»¹¹.

Историк Георгий Франдзи, очевидец осквернения церкви Святой Софии, вспоминал: «Храм прекрасный и из прекрасных прекраснейший! Внутри его запретных святилищ, а также на их жертвенниках и трапезах, турки ели и пили. И на них же приводили в исполнение и осуществляли свои развратные намерения и похоти с женщинами, девицами и мальчиками. Кто не оплакал бы тебя, храм святой?»¹²

Жуткое зрелище являл Константинополь! Непрístupные стены и башни разрушены, древние церкви и монастыри поруганы и разграблены, обширные площади завалены мертвыми телами, кровь христианская потоками текла по улицам. Бушевал пожар. И в отблесках огня страшными тенями носились по городу басурмане, убивающие, грабящие, пленяющие и насилующие.

¹⁰ Там же. С. 402.

¹¹ Там же. С. 402–403.

¹² Там же. С. 429.

К вечеру 29 мая в разоренный город прибыл Магомет. По преданию, он въехал на белом коне в храм Святой Софии и замер, пораженный его красотой. Тотчас султан повелел обратить великую церковь в мечеть.

Магомет спросил о судьбе императора Константина. Тут же вышли два янычара, утверждавшие, что они убили императора. Султан велел найти его тело. Это оказалось нелегко, весь город был завален трупами. Но убиенного царя все же опознали по красным сапожкам с золотыми двуглавыми орлами, которые носили византийские самодержцы – наследники римских императоров.

Голову Константина отрубили, омыли и принесли Магомету. Он показал ее пленным греческим вельможам, спрашивая, узнают ли они своего государя. Те подтвердили, что это голова императора. Султан велел выставить голову на ипподроме, а потом показывал арабским, европейским и персидским послам как доказательство победы турок.

Среди плененных и обращенных в рабство греков оказались Геннадий Схоларий, Лука Нотара и Георгий Франдзи. Магомет узнал Луку, выкупил и обошелся с ним милостиво. Георгию же не повезло. Он не был узнан. И сделался невольником в доме конюшего султана.

Через пять дней после падения города Магомет устроил пир. Когда он напился, кто-то рассказал ему, что у Луки есть четырнадцатилетний сын необычайной красоты. Тотчас Магомет послал слуг в дом флотоводца с требованием отдать мальчика в султанский гарем. Нотара, у которого два старших сына пали в бою, отказался выдать младшего на поругание.

Посланные слуги привели к Магомету самого флотоводца вместе с сыном и юным зятем. Когда Лука вновь ответил отказом султану, тот приказал немедленно обезглавить греков. Нотара попросил, чтобы юношей казнили раньше его, дабы его смерть не вызвала у них колебаний. После их казни Лука спокойно обнажил шею и подставил ее палачу.

Георгий Франдзи пробыл в рабстве восемнадцать месяцев. Лишь после этого ему удалось выкупить себя и жену. Однако двое его детей, мальчик и девочка – крестники императора Константина, – были взяты в султанские гаремы. Дочь умерла еще ребенком. А сын был казнен за то, что отказался уступить постыдному сладострастию Магомета.

Так пал Царьград. Так погибла Византия. Так навсегда иссякло могущество ромеев.

Единственным на свете свободным православным государством осталось далекое Московское княжество. От поверженных греков к русскому народу перешла ответственная обязанность – хранить истинную веру.

Веками в нашем народе эта вера передавалась из рода в род со всевозможной тщательностью и осторожностью, как на ветру от человека к человеку передается горящая свеча. Лишь бы она не погасла!

Глава 2

Начало раскола

Сзахватом турками Константинополя и балканских славянских государств в Москве укрепилась мысль, что именно Русь теперь является единственным оплотом православной веры. Отныне истинное христианство сохраняется только в Москве – Третьем Риме.

Считается, что эту мысль первым высказал старец Филофей из псковского Елеазарова монастыря. В конце XV века он писал великому князю Василию III: «Сиа же ныне тр[ет]иаго новаго Рима дръжавнаго твоего царствия святая соборная апостольскаа Церкви, иж в кон-цах вселенныа в православной христианстей вере во всей поднебесней паче солнца светится... Блюди и внемли, благочестивый царю, яко вся христианская царства снидошас в твое едино. Яко два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не быти»¹³.

Русские, считавшие свою Церковь последней твердыней православия, бережно сохраняли древние обряды византийского богослужения. Того самого, что некогда поразило в Царьграде послов киевского князя Владимира: «И придохом же в Греки. И ведоша ны, идеже служат Богу своему. И не свемы, на небе ли есмы были, ли на земли. Несть бо на земли такого вида ли красоты такая. И недоумеем бо сказати. Токмо то ведем, яко онъде Бог с человеки пребывает. И есть служба их паче всех стран»¹⁴.

Обряды эти воспринимались московскими богословами как неизменный атрибут правой веры, как древнехристианское предание, ибо так учили святые отцы.

Например, Василий Великий (ок. 330–379) писал в книге «О Святом Духе»: «Из догматов и проповедей, соблюденных в Церкви, иные имеем в учении, изложенном в писании, а другие, дошедшие до нас от апостольского предания, прияли мы в тайне. Но те и другие имеют одинаковую силу для благочестия. И никто не оспаривает последних, если хотя несколько сведущ он в церковных постановлениях»¹⁵.

К апостольскому преданию святой Василий относил крестное знамение, обращение при молитве на восток, евхаристические молитвы, троекратное погружение крещаемого человека и многое другое.

Себе, строгим ревнителям православия и верным хранителям благочестия, русские противопоставляли греков, у которых «православие пестро стало от насилия турецкого Магмета»¹⁶.

Действительно, за века турецкого владычества греки в значительной мере утратили чинность и красоту богослужения, допуская сокращения и изменения, в то время как русские твердо держали византийскую уставную службу.

В XVII веке эта древняя долгая служба удивляла и утомляла самих греков. Архидиакон Павел Алеппский, посетивший Россию в 1654–1656 годах в свите своего отца, антиохийского патриарха Макария, и написавший книгу об этой поездке, не раз восхищался русским благочестием: «Какая твердость и какие порядки! Эти люди не скучают, не устают, и им не надоедают непрерывные службы и поклоны... Кто поверит этому? Они превзошли подвижников в пустынях. Но Творец свидетель, что я говорю правду!»¹⁷ Так грек Павел дивился греческому же богослужению, принятому Русью от Византии вместе с верой Христовой.

¹³ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века: М., 1984. С. 436 и 440.

¹⁴ Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века: Начало русской литературы. М., 1978. С. 122–124.

¹⁵ Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския. Ч. 3. М., 1993. С. 331–332.

¹⁶ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 101.

¹⁷ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиако-

Греков исстари недолюбливали на Руси. Еще автор «Повести временных лет» заметил: «Суть бо греци лстивы и до сего дни»¹⁸. А после заключения унии с Римской Церковью в каждом приезже с Востока готовы были видеть еретика, предавшего отеческую веру, «латинянина» и «хриstopродавца». Падение Царьграда было воспринято как Божья кара грекам за измену православию.

В начале XVII столетия, при московском патриархе Филарете (Романове), греков принимали в общение с Русской Церковью через «исправление веры», то есть как еретиков второго чина – через помазание священным миром. Миропомазанию подвергались не только миряне, приезжавшие на Русь, но и священнослужители.

«После смерти патриарха Филарета проблема отношения к Греческой Церкви и выходцам из нее отходит на второй план. Патриарх Иоасаф продолжал использование миропомазания греческих иммигрантов, но позиция к ним постепенно смягчается. “Очищения” более не применялись к греческому духовенству»¹⁹.

В XV–XVII веках православный Восток испытывал сильное влияние европейской религиозности. Особенно значительно было влияние Католической Церкви, основными проводниками которого стали богослужебные книги, печатавшиеся для греков в Италии.

Греческой общине Венеции принадлежала крупнейшая типография, открытая при участии латинян: «При поддержке св. престола и венецианского правительства в этой общине были основаны школа... и ряд издательств, долгое время остававшихся наиболее влиятельными в грекоязычном мире»²⁰.

Не без влияния книг, напечатанных в итальянских типографиях, на Востоке произошли некоторые изменения в обрядах, сделавшие их отличными от древней византийской и современной русской богослужебной практики.

Самым существенным и наиболее заметным нововведением было изменение крестного знамения. Если в древности оно творилось двумя перстами (средним и указательным), то теперь греки складывали для крестного знамения три перста (большой, указательный и средний).

Были и другие различия. Например, если в древности литургию совершали на семи просфорах²¹, то теперь греки служили на пяти, а то и на одной просфоре.

Изменился вид печати на верхней части просфоры. В древности на ней изображались трисоставный (восьмиконечный) крест и евангельские слова «Се Агнец Божий, взявляя грехи мира» (Ин. 1, 29). Теперь греки использовали печать с четырехконечным крестом и надписью «ΙΣ ΧΣ ΝΙΚΑ» – Ιησους Χριστος νικα (Исус²² Христос побеждает).

Если в древности крестный ход обходил храм посолонь – за Солнцем-Христом, то теперь греки ходили против солнца.

Если в древности на великопостной молитве святого Ефрема Сирина «Господи и Владыко животу моему...» клали земные поклоны (метания), то теперь греки заменили их поясными.

Изменилось произношение славословия «аллилуйя» при чтении псалмов. В древности греки произносили сугубую (двукратную) «аллилуйю» – «Аллилуйя, аллилуйя, слава

ном Павлом Алеппским. М., 2005. С. 254 и 296.

¹⁸ Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века: Начало русской литературы. С. 84.

¹⁹ Опарина Т. А. «Исправление веры греков» в Русской Церкви первой половины XVII в. // Россия и Христианский Восток. Вып. 2–3. М., 2004. С. 324.

²⁰ Католическая энциклопедия. Т. 1: А – З. М., 2002. Стб. 919.

²¹ Просфора – небольшой круглый хлебец, выпекаемый из пшеничного квасного теста и употребляемый для совершения литургии.

²² Староверы пишут имя Спасителя по правилам древнерусского языка – Исусь или Исус, с одним И.

Тебе, Боже». С XV века они стали читать трегубую (троекратную) «аллилуйю» – «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже».

Были и другие, менее заметные различия. От греков новые обряды переняла прочая паства константинопольского патриарха – балканские славяне, малорусы и белорусы.

Среди православных малорусов и белорусов эти изменения распространялись с помощью книг, напечатанных в католических и униатских типографиях. «Известно, что в числе главных средств, коими старались латины распространить свое исповедание, была порча наших богослужебных книг. С этою целью они покушались с одной стороны изгладить мало по малу в наших богослужебных книгах все то, что могло бы внушить православным отвращение к римскому вероисповеданию, а с другой стороны – и прямо вносить латинские верования»²³.

Разница в обрядах между Русью и остальным православным миром была существенна. И русским на это постоянно указывали греческие иерархи, приезжавшие в середине XVII века в Москву для сбора милостыни. Они же внушали царю Алексею Михайловичу мысль о воссоздании великой Византии.

Греки советовали юному государю начать войну с Турцией, разгромить ее и водрузить крест над поруганным храмом Святой Софии в Царьграде. Тогда, говорили гости с Востока, Алексей Михайлович станет самодержцем всего православного мира, а московский патриарх Никон – вселенским патриархом, Папой Нового Рима.

Перспектива греческого проекта была очень заманчивой, но для ее достижения нужно было устранить разницу между русскими и греческими обрядами.

Никон, шестой московский патриарх, был человеком честолюбивым, но малообразованным и потому полностью доверялся приезжим советникам, которые уверяли, что обрядов, подобных московским, Восточная Церковь не знает. Они утверждали, что русские обряды – новые и испорченные, а греческие – старые и правые.

Однако, как писал историк Николай Федорович Каптерев, «древние наши церковные чины и обряды никогда никем у нас не искажались и не портились, а существовали в том самом виде, как мы, вместе с христианством, приняли их от греков. Только у греков некоторые из них позднее изменились, а мы остались при старых, неизменных»²⁴.

С этим согласны современные историки, например, Лев Николаевич Гумилев, писавший: «Доказано (в частности, Е. Е. Голубинским – самым авторитетным историком Церкви), что русские вовсе не исказили обряд и что в Киеве при князе Владимире крестились двумя перстами – точно так же, как крестились в Москве до середины XVII в.»²⁵.

В начале Великого поста 1653 года Никон разослал по храмам Москвы «память» (циркуляр) о введении новых обрядов: «Год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны. Еще же и трема персты бы есте крестились»²⁶.

На многих русских христиан эта «память» произвела гнетущее впечатление. В Москве собрались благочестивые священники, среди которых был и знаменитый «протопоп-богатырь» Аввакум, впоследствии вспоминавший: «Мы же задумались, сошедшеся между собою. Видим, яко зима хочет быти. Сердце озябло и ноги задрожали»²⁷.

²³ Флеров И. Е. О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в Юго-Западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях. СПб., 1857. С. 135.

²⁴ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. Сергиев Посад, 1909. С. II.

²⁵ Гумилев Л. Н. От Руси к России. Конец и вновь начало. М., 2010. С. 285.

²⁶ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. С. 65.

²⁷ Там же.

Эти священники, верные защитники церковного предания, написали и подали Алексею Михайловичу челобитную против введения новых обрядов, которую царь не замедлил передать Никону. По приказу патриарха многие из несогласных попов были арестованы и сосланы.

Расправившись с главными обличителями и почувствовав себя свободнее, Никон решил устроить церковный собор и, прикрываясь его авторитетом, продолжать реформы.

По предложению патриарха царь созвал в 1654 году собор, чтобы рассмотреть и отменить те русские чины и обряды, которые отличались от современных греческих. Каптерев писал, что патриарх, действуя по чужому наущению, «русские церковные чины, несогласные с тогдашними греческими, прямо называет на соборе неправыми и нововводными, между тем как в действительности это были правые, старые греческие чины и обряды, некогда перешедшие на Русь от православных греков и у нас неизменно сохраняемые»²⁸.

Точная дата проведения собора неизвестна. Предполагают, что он состоялся в феврале или марте, ибо в середине XVII века церковные соборы традиционно проводились накануне или в самом начале Великого поста.

Церковный историк митрополит Макарий (Булгаков) писал: «Собор был созван в марте или в апреле... после 27 февраля и прежде 2 мая»²⁹. Современный историк Сергей Владимирович Лобачев считает, что собор заседал 12 февраля – в первое воскресенье поста (Неделя православия)³⁰.

На собор Никон постарался созвать лишь тех лиц, «от которых не ожидал себе никакого противоречия, которые дрожали перед всемогущим патриархом и не отваживались на заявление своих, неугодных ему мнений»³¹.

Прибыли пять митрополитов – Макарий Новгородский, Корнилий Казанский, Иона Ростовский, Селивестр Крутицкий, Михаил Сербский; четыре архиепископа – Софроний Суздальский, Маркел Вологодский, Мисаил Рязанский, Макарий Псковский и епископ Павел Коломенский. Также присутствовали одиннадцать архимандритов и игуменов, тринадцать протопопов и несколько приближенных царя.

На соборе выступали только царь и патриарх. А присутствовавшие молчали, не смея перечить и единогласно одобряя все решения.

Каптерев считал, что причиной удивительного единодушия участников собора был тонкий психологический ход, предпринятый царем и патриархом: «На соборе, кроме подбора известных лиц, предприняты были и особые меры, чтобы решение поставленных Никонем вопросов совершалось обязательно в известном наперед, Никоном и царем предрешенном смысле... На соборе 1654 года царь первый подает голос, а за ним и все другие за такое или иное решение поставленного Никоном вопроса. И царь делает такой необычный для него поступок, конечно, с особою целью, чтобы своим подавляющим царским авторитетом предупредить со стороны собора возможность отрицательного ответа на поставленный Никоном вопрос. Расчет был верный»³².

Заседание собора началось с выступления патриарха. Обращаясь к царю и духовенству, Никон говорил, что должно истреблять всякие новины в Церкви, а все, преданное святыми отцами, должно сохранять безо всякого повреждения, приложения и изменения. Патриарх, выступая якобы против церковных новшеств, на самом деле готовился предложить собору

²⁸ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. С. 138.

²⁹ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Т. 12. СПб., 1883. С. 139.

³⁰ Лобачев С. В. Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 124–125.

³¹ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. С. 147.

³² Там же. С. 147–148.

новые греческие обряды. Но большинство иерархов не уразумело хитрости Никона и безропотно пошло за ним.

После патриаршего обращения собору был задан первый вопрос:

– Новым ли нашим печатным книгам следовать или греческим и славянским старым, которые купно обоим согласно един чин и устав показывают?

Царь, а за ним и покорные иерархи ответствовали:

– Достойно и праведно исправить против старых харатейных и греческих³³.

После этого собору было предложено несколько примеров, свидетельствующих о различии русских и греческих обрядов: о времени служения воскресной литургии, об отверстии царских врат до великого входа, о положении мощей при освящении церкви и прочее.

Всякий раз, говоря об этих отличиях, Никон предлагал переменить их по греческому образцу, ложно ссылаясь на древние книги. И собор неизменно давал на это согласие.

Единственным, кто выступил против Никона и новых обрядов, был епископ Павел Коломенский. По свидетельству современников, он был весьма образованным и начитанным человеком, знатоком священного писания и церковного устава.

Старообрядцы говорили, что Павел «муж свят и разума святых писании исполнен бе»³⁴. И даже никониане³⁵ признавали: «Бе же той епископ читатель божественного писания и добре веды наставляти к Богу шествующия»³⁶.

Патриарх предложил собору обсудить вопрос о замене земных поклонов на молитве Ефрема Сирина на поясные. И тут отважился встать и произнести речь Павел Коломенский.

Судя по всему, он заранее готовился к выступлению. В своей речи архиерей высказался в защиту церковного предания – великопостных поклонов. При этом свои слова он аргументировал ссылками на два древних рукописных устава.

Впрочем, епископ выступил не только против отмены земных поклонов, но и вообще против введения новых обрядов. Святитель «советовал любопрением великому государю нашему, благочестивейшему царю, такожде и святейшему патриарху, и всему освященному собору таковое новоначатое дело оставить и до конца истребити»³⁷.

Но слова архиерея не были услышаны. Собор, уступая давлению царя и патриарха, дал согласие на справку русских богослужебных книг по греческим образцам. Павел Алеппский сообщает, что, когда все духовенство прилагало подписи к соборному постановлению, «коломенский епископ, будучи нрава строптивого, не захотел принять и одобрить тот акт, ни приложить свою руку, не говоря уже о том, чтобы дать свое засвидетельствование»³⁸.

Однако собор определил, что книжная справа будет производиться «по старым харатейным и греческим книгам». Поэтому епископ все-таки подписал соборное деяние.

Впрочем, под подписью Павел добавил следующие слова, непреклонно оговаривая особое мнение о поклонах: «А что говорил на святем соборе о поклонех и тот устав харатейной во оправдание положил зде, а другой писмянной»³⁹.

³³ Карташев А. В. Очерки по истории.

³⁴ Повесть о боярыне Морозовой. Л., 1979, С. 161.

³⁵ Никонианин – последователь никонианства. Никонианство – церковные реформы патриарха Никона, вызвавшие раскол среди верующих и приведшие к формированию старообрядчества. См.: Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. Т. 1: А – О. М., 2000. С. 1041.

³⁶ Житие преосвященного Иллариона, митрополита Суздальского // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. X. Владимир, 1908. С. 18.

³⁷ Там же. С. 21.

³⁸ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архиереем Павлом Алеппским. С. 229.

³⁹ Патриарх Никон: облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты. М., 2002. С. 51.

Историками доказано: исправление книг, одобренное собором, последовало отнюдь не по древним византийским и славянским рукописям, как того требовало соборное решение, а по современным книгам, изданным в Венеции. Новые переводы сверялись и исправлялись по современным же книгам, напечатанным в Киеве и Вильно.

По этому поводу американский исследователь Павел Иванович Мейендорф пишет: «Каптерев и др. историки старообрядчества допустили, что реформы основывались не только на древних рукописях, но и на печатных греческих венецианских изданиях и на славянских “литвинских” книгах, вышедших из-под пресса в типографиях Речи Посполитой. Русские литургисты (А. А. Дмитриевский и другие) сделали открытие, что венецианские книги не совпадают не только со славянскими, но и с древними греческими манускриптами. Иногда русские старопечатные дониконовские издания оказывались более верными старым греческим спискам»⁴⁰.

В XX веке новообрядческое духовенство вынуждено было признать это. Например, протоиерей Георгий Васильевич Флоровский писал: «Противники Никоновой sprawy с основанием настаивали, что равняли новые книги “с новопечатанных греческих у немец”, с книг хромых и покидных – “и мы тот новый ввод не приемлем”. И так же верно было и то, что иные чины были “претворены” или взяты “с польских служебников”, т. е. “ляцких требников Петра пана Могилы и с прочих латынских переводов”»⁴¹.

Единственным критерием такой sprawy были слова патриарха, обращенные к главному справщику Арсению Греку:

– Печатай, Арсен, книги как-нибудь, лишь бы не по-старому!⁴²

Кроме того, самое дело sprawy было поручено «искусным мужам» – людям сомнительным, таким, например, как авантюрист Арсений Грек, неоднократно менявший вероисповедание.

К тому же новые справщики оказались плохими переводчиками, слепо следовавшими греческому оригиналу, поэтому их тексты отличались нелепым буквализмом и изобиловали ошибками.

«Новые московские тексты калькируют греческий текст и создают неудобочитаемые обороты на славянском языке. Ранние тексты оказываются часто более понятными»⁴³.

Так началась замена новым церковным обрядом и уставом древних традиций, принятых Русью вместе с православием от Византии и неизменно сохраняемых веками.

⁴⁰ Реферат по книге П. И. Мейендорфа «Россия, обряд и реформа: литургические реформы Никона в XVII веке». Омск, 2012. С. 8.

⁴¹ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 65.

⁴² Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. С. 109.

⁴³ Реферат по книге П. И. Мейендорфа «Россия, обряд и реформа: литургические реформы Никона в XVII веке». С. 23.

Глава 3

Епископ Павел

«Рождение же мое в нижегородских пределах»⁴⁴. Так начинает свое «Житие» протопоп Аввакум. Так мог бы начать рассказ о себе и епископ Павел, родившийся в том же поволжском краю.

Место рождения будущего епископа неизвестно. По общепринятому мнению, впервые высказанному французским славистом Пьером Паскалем, Павел родился в селце Колычево⁴⁵, стоящем на речке Сундовик, что на правом берегу Волги, «на горах»⁴⁶.

Неизвестна дата рождения будущего святителя. Но можно предположить, что Павел был ровесником Никона, то есть родился около 1605 года.

Также нам неведомы ни мирское имя Павла, ни имена его родителей. Хотя Паскаль называет его отца – «добрый священник по имени Иван»⁴⁷.

Достоверно известно, что отец будущего архиерея был иереем и что в семье, кроме сына, была младшая дочь Ксения, в 1648 году выданная замуж за Ивана Ананьина (1632–1707), ставшего впоследствии суздальским митрополитом Илларионом.

По сообщению Паскаля, отец Павла обучал грамоте Никиту Минина, сына мордовского крестьянина из соседнего села Вельдеманово – будущего патриарха Никона. В «Житии» Никона рассказывается о том, что он был отдан «в научение божественного писания» и, уйдя из «дому отца своего», некоторое время жил у учителя⁴⁸.

Если Никита действительно учился у священника из Колычева и жил в его доме, то можно предположить, что будущие иерархи Никон и Павел были друзьями детства и хорошо знали друг друга.

Из Колычева отец Павла вместе с семьей перебрался в близлежащее село Кириково, где продолжил священническое служение. Кириково было расположено неподалеку от большого торгового села Лысково⁴⁹ и в официальных документах называлось его «приселком».

«С гор» будущий святитель перешел на другой берег Волги, «в леса». Здесь мы встречаем Павла в монастыре святого Макария на «Желтых водах», среди иноческой братии. Древний Желтоводский монастырь, основанный преподобным Макарием († 1444), был разорен татарами и возобновлен в 1620 году благочестивым иноком Авраамием († 1640).

Обитель процветала и скоро стала одним из главных экономических центров Поволжья, важнейшим очагом религиозной и культурной жизни, притягивавшим к себе искателей подвижнического жития. Среди монастырской братии мы видим многих персонажей русской церковной истории середины XVII столетия.

В Макарьев монастырь ушел от жестокой мачехи отрок Никита Минин. Сделав небольшой вклад деньгами, он жил здесь некоторое время, но затем был возвращен отцом домой. Постриженниками Желтоводской обители были такие архиереи, как митрополит Корнилий Казанский, архиепископы Илларион Рязанский и Симеон Сибирский.

Без сомнения, Макарьев монастырь сыграл большую роль и в жизни будущего коломенского епископа. Здесь поповский сын принял постриг и был наречен Павлом. Здесь он проходил строгое иноческое житие, приобщаясь к книжной премудрости, и, как опытный

⁴⁴ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. С. 59.

⁴⁵ Колычево – село в Лысковском районе Нижегородской области.

⁴⁶ Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало раскола. М., 2010. С. 143.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Шушерин И. К. Житие святейшего патриарха Никона. СПб., 1784. С. 4.

⁴⁹ Лысково – ныне город Нижегородской области.

подвижник, получил почетное прозвание старца. Скорее всего, именно здесь он был рукоположен в священники.

В обители Павел исполнял обязанности казначея. Его имя упоминается среди монастырских казначеев в духовной памяти (завещании) инока Авраамия. Казначейскую должность Павел занимал, по-видимому, с 1636 года. Именно под этим годом в духовной он впервые упомянут как казначей. В этом году «при казначее старце Павле куплен колокол большой благовестный, пятьдесят пуд»⁵⁰.

В 1640 году, составляя завещание, Авраамий «приказывал» до поставления игумена управлять Желтоводской обителью «того же монастыря казначею старцу Павлу, да старцу Леонтию Макарову, да старцу Иосифу»⁵¹.

Это позволяет думать, что Павел был исполнительным и честным человеком, достойным доверия, иначе ему вряд ли была бы поручена ответственная казначейская служба и временное управление монастырем.

Летом 1651 года Павел был призван в Москву и возведен патриархом Иосифом на должность игумена древнего Пафнутьево-Боровского монастыря. Скорее всего, на игуменство в прославленной обители Павел был поставлен по рекомендации будущего патриарха Никона, ставшего к тому времени новгородским митрополитом и собинным (особенным, личным) другом молодого самодержца Алексея Михайловича.

От непродолжительного настоятельства Павла сохранились только копии двух челобитных на царское имя, ныне хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов⁵².

После смерти патриарха Иосифа 15 апреля 1652 года собор высшего русского духовенства избрал кандидатами на святейший престол двенадцать «мужей духовных», среди которых упоминаются имена новгородского митрополита Никона и «из Боровска Пафнотева монастыря игумена Павла»⁵³.

По воле государя, желавшего видеть на московском архипастырском престоле собинного друга, патриархом был избран Никон. Участие же в выборах боровского игумена и остальных претендентов являлось простой формальностью, хотя и свидетельствует о том, сколь высокого мнения о Павле были современники.

Начало патриаршества Никона не предвещало боровскому настоятелю ничего плохого. В ноябре 1652 года игумен Павел был рукоположен Никоном в епископы подмосковного города Коломны вместо удалившегося на покой и принявшего схиму владыки Рафаила, управлявшего епархией с 1618 года.

Об этом свидетельствует запись в приходной книге Патриаршего казенного приказа: «Ноября в 17 день: у Павла, епископа Коломенского и Каширского, на его поставление за стол тридцать рублей взято»⁵⁴.

Коломенская епархия была одной из старейших на Руси. Подробное и интересное описание этой епархии, кафедрального Успенского собора, епископской ризницы и архиерейских палат оставил архидиакон Павел Алеппский.

⁵⁰ Духовная изустаная память строителя Макарьево-Желтоводского монастыря Авраамия // Временник Общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 8. С. 47 (Смесь).

⁵¹ Там же. С. 49.

⁵² РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Ед. хр. 916. Л. 269–271.

⁵³ Белокуров С. А. Материалы: Чин избрания, наречения, благовестия, посвящения и шествия около города патриарха Никона. Список с настольной грамоты патриарху московскому Никону // Христианское чтение. 1882. № 7–8. С. 319.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Ед. хр. 33. Л. 1001.

Коломенское епископство считалось небогатым и небольшим, хотя архидиакон с трудом мог в это поверить: «Говорят, будто епархия эта бедна и мала, да поможет ей Бог, а она больше области трех патриархов: антиохийского, александрийского и иерусалимского!»⁵⁵

В состав епархии кроме Коломны, важного торгового центра, входили такие крупные города, как Серпухов, Кашира и Тула. Располагая значительными средствами, коломенский епископ держал при себе целый штат прислуги, духовенства и охраны.

«Говорят, этому епископству принадлежат триста воинов-янычар, коих оно имеет для своей охраны и защиты, для обережения своих выгод и надзора... Когда епископ едет куда-нибудь, они сопровождают его всюду, куда бы он ни отправлялся»⁵⁶.

Кроме того, по свидетельству Павла Алеппского, коломенский епископ «имеет при себе священников, диаконов, монахов, анагностов, иподиаконов, певчих, чиновных лиц, поверенных, служителей и ратников (более ста человек). Ежедневно они едят и пьют на его счет и два раза в год, летом и зимой, получают жалование и одежду. Сочти, сколько нужно на них расходов!»⁵⁷

Из немногочисленных сохранившихся документов мы узнаем, что епископ Павел управлял епархией, ставя превыше всего интересы Церкви. Святитель был строгим блюстителем святоотеческих канонов и подвергал суду всякого, дерзнувшего преступить их, даже если нарушителем был могущественный воевода. Поэтому Павел Алеппский восхищенно записал: «Епископ распоряжается в воеводствах с властью, не допускающей прекословия. Здесь архиерейское управление ведется хорошо и возможна жизнь привольная»⁵⁸.

Когда в 1653 году, в начале Великого поста, Никон рассылал по храмам пресловутую «память», коломенский епископ принял сторону противников новшеств – протопопов Иоанна Неронова, Аввакума и Даниила. Таким образом, Павел оказался единственным русским архиереем, посмеявшимся открыто выступить против Никона и сумевшим однозначно решить для себя сложнейшую дилемму «остаться ли на епископской кафедре без паствы или пойти с паствой без кафедры»⁵⁹.

На соборе 1654 года только Павел Коломенский дерзнул выступить против церковной реформы. Как рассказывает Павел Алеппский, святитель говорил на соборе:

– С того времени, как мы сделались христианами и получили правую веру по наследству от отцов и дедов благочестивых, мы держались этих обрядов и этой веры, и теперь не согласны принять новую веру!⁶⁰

Слова епископа не были услышаны, и собор дал согласие на реформы.

Знаменитый старообрядческий писатель XVIII века Семен Денисов в мартирологе «Виноград Российский» рассказывает, что Никон после собора хотел лаской склонить коломенского архиерея на свою сторону.

Сначала он говорил Павлу «лестная словеса» и пытался убедить его в необходимости реформ, указывая на «просторечие» древнерусских книг. На это епископ заметил, что истины евангельские и проповедь апостольская тоже изложены простым языком галилейских рыбаков.

⁵⁵ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. С. 228.

⁵⁶ Там же. С. 227.

⁵⁷ Там же. С. 422.

⁵⁸ Там же. С. 228.

⁵⁹ Ключевский В. О. Курс русской истории // Сочинения в девяти томах. Т. 3. М., 1988. С. 298.

⁶⁰ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. С. 229.

Тогда патриарх указал на несогласие греческих книг и обычаев с традициями Русской Церкви. На это Павел возражал, что хотя новые греческие обычаи не сходны с русскими, зато древние византийские обряды вполне согласуются с московской церковной практикой.

Увидев, что Павел осмеливается ему перечить, Никон столь разгневался, что накинулся на непокорного епископа, сорвал с него иноческую мантию и, как пишет Денисов, собственноручно избил: «Призвав предивного Павла, своим то рукама (оле всезлюбныя ярости) бияше по священному священнаго лицу. Не усрамясь священства великаго чина, не устыдевся святости честных седин мужа»⁶¹.

О рукоприкладстве Никона доподлинно не известно. Но с уверенностью можно сказать, что по велению патриарха Павел был отдан на избиение и заключен в темницу.

Московский собор 1666 года, решая вопрос о низложении Никона, поставил ему это в вину: «Еще же архиерея сам един низверже Никон, кроме всякаго поместнаго собора, на нем же должен быше явити его погрешения... По низложении Павла, епископа коломенскаго, его же из мантии обнажи жестоце и на лютая биения и наказания предаде, и на дальняя заточения предаде, не помянув онаго словесе, яко дважды никого же казнити подобает за то же и едино преступление. Тем же прилучися архиереови тому изумитися и погибнути бедному, кроме вести, от зверей ли снесен быв или в воде утопе»⁶².

По указанию Никона епископ был отправлен в ссылку в древний новгородский Хутынский монастырь, под строгий надзор архимандрита Евфимия Барашко.

«Немедленно сослали его в заточение вместе с его монахами и слугами и со всем, что при нем было, во внутрь Сибири, за полторы тысячи верст в приморскую область океана»⁶³.

Условия ссылки были столь суровы, что Павел Алеппский с содроганием писал: «Умереть лучше было бы для него, чем жить там, по причине великого стеснения и жалкой жизни, постоянного мрака, голода и совершенного отсутствия хлеба; оттуда ему невозможно убежать и спастись!»⁶⁴

Впрочем, архиерей нисколько не сочувствовал русскому тезке, заявляя: «Он, епископ, был достоин того!»

К этому времени относится старообрядческая легенда «о сновидении чернца Анофрея» – сказание о чудесном явлении опального архиерея некоему иноку.

Протопоп Иоанн Неронов, сам тогда находившийся в ссылке, рассказывает протопопу Стефану Вонифатьеву (Внифантьеву) в письме от 13 июля 1654 года: «В 162 (1654) году извещение бысть Анофрию пустыннику: показуя ему Бог, яко страдальца, епископа Павла добрый подвиг, вашего же Никона патриарха злоначинание. Зрит бо той Анофрей епископа Павла добре во свете предстояща, со всеми ревнители закона боголюбцы; вашего же патриарха Никона всего омрачена, со всеми слушающими его»⁶⁵.

Союзник протопопа Аввакума диакон Феодор сообщает, что Никон «в ссылку сослал его <Павла> на Хутыню в монастырь Варлаама преподобного. И тамо бысть архимарит Барашко некто. И того Павла епископа мучил, угождая Никону, врагу Христову. И за то тогда Христос отнял язык внезапно у Барашка того, и тако нем ходил до смерти»⁶⁶.

⁶¹ Виноград Российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (княз. Мышецким). М., 1906. Л. 14 об.

⁶² Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. СПб., 1884. С. 1096.

⁶³ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архиереем Павлом Алеппским. С. 229.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией «Братского слова». Т. 1. М., 1875. С. 101–102.

⁶⁶ Титова Л. В. Послание дьякона Федора сыну Максиму – литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. С. 193.

В Хутынском монастыре Павел Коломенский был полностью лишен возможности общаться с единомышленниками. Патриарх приказал никого не пускать к епископу, а наиболее упорных в желании повидаться с опальным архиереем велел хватать и бросать в темницу.

Тогда Павел взял на себя подвиг юродства, который религиозный мыслитель Георгий Петрович Федотов определил как «служение миру в своеобразной проповеди, которая совершается не словом и не делом, а силой Духа, духовной властью личности, нередко облеченной пророчеством»⁶⁷.

О юродстве святителя рассказывает диакон Феодор: «Павел же, той блаженный епископ, начал уродствовать Христа ради»⁶⁸. Внешние наблюдатели посчитали, что Павел «изумился», то есть помешался умом от перенесенных страданий, но это безумство было мнимым.

В условиях начавшихся гонений было намного легче проповедовать верность отеческим преданиям, прикрываясь «буйством проповеди», притворным безумием. Так Павел явил собой уникальный образ юродивого епископа, которого не знала ни Греческая Церковь, ни Русская.

Хутынский игумен и монастырская братия, считая Павла сумасшедшим, решили не отягощать себя надзором за «безумцем» и предоставили ему возможность бродить в окрестностях монастыря. Эту свободу владыка всецело употребил для проповеди среди местных жителей.

Семен Денисов рассказывает: «Тамо предивному Павлу немалое время долготерпеливо препроводившу. И ясным гласом, и светлою душею древлецерковнаго благочестия светлость свободно проповедающе»⁶⁹.

Изгнанный святитель поучал:

– Братия моя и чада! Стойте во благочестии и держите апостольское и святых отец предание. И новых догматов, от Никона и учеников его в Церковь внесенных, не приемлите. И блюдите себе от творящих распри и раздоры. Подражайте вере святых древлеправославных российских архипастырей. И в научения странна и различна не прелагайтесь⁷⁰.

О том, что Павел проповедует верность старой вере, стало известно Никону, который решил окончательно погубить непокорного иерарха. Официальные источники неопределенно говорят о гибели епископа: «Прилучися архиереови тому изумитися и погибнути бедному, кроме вести, от зверей ли снесен быв или в воде утопе».

Аввакум, который во время мученичества Павла находился в сибирской ссылке, рассказывает на основании доступных ему свидетельств, что Никон «епископа Павла Коломенскаго муча и в новгородских пределах огнем сожег»⁷¹.

Наиболее подробно описывает кончину епископа Павла диакон Феодор: «Никон же уведав и посла слуг своих тамо в новгородския пределы, идеже он <Павел>, ходя, странствовал. Они же тамо обретоша его, в пусе месте идуща, и похвативше его, яко волцы кроткую овцу, и убиша его до смерти, и тело его сожгоша огнем по Никонову велению. И тако тому конец рабу Божию сотвори Никон волк, дабы не обличал его, законопреступника»⁷².

Трагическая кончина Павла последовала, по общепринятому старообрядческому преданию, 3 апреля 1656 года, в Великий Четверток.

⁶⁷ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 201.

⁶⁸ Титова Л. В. Послание дьякона Федора сыну Максиму. С. 193.

⁶⁹ Виноград Российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем. Л. 15 об.

⁷⁰ Арсений (Швецов), еп. Собрание сочинений. Т. 2. М., Ржев. 2010. С. 43.

⁷¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. С. 125.

⁷² Титова Л. В. Послание дьякона Федора сыну Максиму. С. 193.

Епископ Павел стал для староверов одним из наиболее почитаемых святых. Старообрядцы видят в нем своего первого мученика и исповедника, образец христианской жертвенности и стойкости, краеугольный камень старой веры.

В 1911 году редакция старообрядческого журнала «Церковь» так писала о значении этого человека для русской истории: «Никониане могут гордиться, что они ведут свое духовное начало от столь преступного человека. Старообрядцы же радуются, что за общее их святое дело принес себя в жертву смиренный и кроткий святитель. Восставая против Никона и его нелепых и безрассудных реформ, старообрядцы всегда имели пред собой, как знамя, мученический подвиг этого священномученика; по его святительской воле они отвернулись от жестокого тирана и убийцы. Дух Павла всегда пребывал с ними и руководил ими. А этот дух был апостольским и Христовым духом»⁷³.

⁷³ Прославление мучеников // Церковь: старообрядческий церковно-общественный журнал. [М.], 1911, № 43. С. 1027.

Глава 4

Протопоп Аввакум

Символом старообрядчества можно назвать протопопа Аввакума. Недаром людей привлекают мученическое житие этого праведника и его исповеднический подвиг, который был «велик, продолжителен, постоянен и крайне труден»⁷⁴. Недаром историк Сергей Михайлович Соловьев называл Аввакума «протопопом-богатырем».

Аввакум родился в 1620 году на Нижегородчине в селе Григорове⁷⁵, в семье священника Петра, служившего при церкви святых Бориса и Глеба. Земляками Аввакума были патриарх Никон и епископ Павел.

В большом селе Григорове были торг и кабак. Завсегдатаем последнего стал поп Петр, который «жизнь жил слабую, прилежаше пития хмельнаго»⁷⁶, от чего рано умер.

Воспитанием детей занималась мать, смиренная постница и молитвенница. Она растила их в любви к молитве и в постоянном памятовании страха Божьего.

Когда Аввакуму исполнилось семнадцать лет, мать решила его женить. Тогда юноша молился Богородице, прося, «да даст ми жену, помощницу ко спасению». Супругой Аввакума стала благочестивая девица Анастасия. Отец ее, сельский кузнец Марк, был богат, но после его смерти семья разорилась.

Сирота Настя жила в скудости и молилась Богу, чтобы выйти ей замуж за поповича Аввакума, которого тайно любила. Так по взаимным молитвам они сочетались браком, и Аввакум приобрел верную спутницу жизни.

Из Григорова молодожены переселились в близлежащее село Лопатищи, принадлежавшее стольнику Петру Васильевичу Шереметеву. По обычаю того времени сын священника наследовал служение отца. Поэтому в 23 года Аввакума поставили диаконом, а два года спустя – попом к церкви Лопатищ.

Молодой, но ревностный и правдолюбивый священник скоро навлек на себя гнев сельских начальников, которым докучал заступничеством за сирых и слабых. Аввакума били, а потом выгнали из Лопатищ.

С женой и новорожденным, еще некрещенным сыном побрел поп в Москву искать управу. Царев духовник протопоп Стефан Вонифатьев и протопоп Иоанн Неронов, настоятель Казанского собора на Красной площади, тепло приняли Аввакума и представили самому государю, «тишайшему» Алексею Михайловичу.

Получив охранную грамоту, Аввакум вернулся в Лопатищи. Здесь его ждали новые неприятности. Как вспоминал сам Аввакум, летом 1648 года «прийдоша в село мое плясовые медведи с бубнами и с домрами. И я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари и бубны изломал на поле один у многих. И медведей двух великих отнял. Одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле».

В это время мимо плыл Волгой из Москвы в Казань боярин Василий Петрович Шереметев, отец владельца Лопатищ. Селяне, огорченные тем, что лишились потехи, пожаловались воеводе, а тот призвал священника для допроса на корабль. Там крепко выругал и приказал благословить своего младшего сына Матфея, который, вопреки древнерусскому обычаю, был брит. «Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудлюбный

⁷⁴ Кантеев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. С. 392.

⁷⁵ Григорово – село в Большемурашкинском районе Нижегородской области.

⁷⁶ Здесь и далее сочинения протопопа Аввакума цитируются по изданию: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960.

образ, – вспоминал протопоп. – Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волгу, и, много томя, протолкали».

Избежав утопления, горемычный поп, однако, не избежал нового изгнания. Опять ему пришлось искать правду в Москве, куда он «сволокся» в 1652 году. В столице Аввакум был определен протопопом к собору небольшого города Юрьевца⁷⁷. Но его протопопство продолжалось всего восемь недель.

Местное духовенство, недовольное строгостью молодого протопопы, настроило против него народ. Едва спасшись от расправы разъяренной толпы, Аввакум ушел в Москву. Он поселился у Иоанна Неронова, а в его отсутствие, не имея своего прихода, служил и проповедовал в Казанском соборе.

В 1653 году в начале Великого поста патриарх Никон разослал по храмам «память» об отмене земных поклонов и о введении троеперстного крестного знамения. Аввакум, который считал эти новые обряды изменой истинному православию и святоотеческой вере, «безбожною лестью» и «блуднею еретическою», написал вместе с костромским протопопом Даниилом челобитную в защиту старого церковного обряда и подал ее царю.

«Тишайший» передал писание патриарху. Последствия не заставили себя долго ждать. Аввакум был арестован и посажен в Спасо-Андроников монастырь. Просидев в темном подвале четыре томительных недели, протопоп был приведен в Успенский собор, где Никон хотел его расстричь.

Насилу царь упросил оставить знакомого протопопы в сущем сани. Тогда Никон сослал Аввакума с семьей в Сибирь. Осенью 1653 года с женой и четырьмя детьми протопоп отправился в дальний путь в Тобольск.

Земляк Аввакума, сибирский архиепископ Симеон, хорошо знавший протопопы, определил его к тобольскому Вознесенскому собору, где ссыльный священник ревностно служил, «браня от писания и укоряя ересь Никонову».

Однако 27 июня 1655 года из Москвы пришел указ: Аввакуму с семьей ехать под стражей в более строгую ссылку – на Лену, в Якутский острог. Но протопоп доехал только до Енисейского острога, где его ждало новое повеление: с воеводой Афанасием Филипповичем Пашковым идти в Забайкалье – в Даурию.

Под началом у Пашкова было более четырех сотен казаков и стрельцов, которым для дальнего похода нужен был священник. Летом 1656 года отряд отплыл из Енисейска на сорока ладьях.

Для Аввакума и его семьи началось самое тяжелое из выпадавших доселе испытаний. Светские власти и раньше не любили протопопы за прямоту и строгость. Скоро возненавидел его и воевода.

На Ангаре караван Пашкова встретил странников, в числе которых были две вдовы «одна лет в 60, а другая и больше», собиравшиеся постричься в инокини. Пашков для потехи пожелал выдать бедных женщин замуж.

Аввакум вступился за вдов и тут же был наказан: воевода заставил его покинуть суденышко и идти пешком по непролазной тайге. Затем Пашков вызвал протопопы к себе, «рыкнул, яко дикий зверь» и велел дать 72 удара кнутом.

Во время истязания Аввакум непрестанно молился и сохранял самообладание. Изувеченный протопоп был закован в кандалы и брошен в казенную ладью. Всю дальнейшую дорогу до Братского острога Аввакума везли в цепях.

В октябре отряд прибыл в острог на зимовку, и протопопы заточили в «студеной башне», по преданию, в той самой, что ныне находится в музее-заповеднике «Коломенское».

⁷⁷ Юрьевец (Юрьевец-Поволжский, Юрьевец-Повольский) – город на берегу Волги в Ивановской области.

Лишь к Рождественскому посту страдальца перевели в теплую избу. Но и здесь держали, как преступника, скованным и отдельно от семьи.

Весной 1657 года отряд Пашкова продолжил поход и переплыл Байкал, а летом двинулся вверх по реке Хилке. С протопопа сняли цепи, но теперь он был обязан наравне с казаками тянуть суда и участвовать в других работах. Но, в отличие от казаков, Аввакуму приходилось еще и заботиться о семье.

Когда отряд дошел до озера Иргень, пришлось тащить волоком сани. Но Пашков отнял у протопопа работников, а прочим запретил к нему наниматься. Священник сам сделал нарту и потянул вместе с сыновьями.

На четвертое лето похода запасы провизии кончились, начался голод. Семье Аввакума пришлось есть конину, сосновую кору, траву и корни, а порой – лесных зверей, падших лютой зимой или убитых волками.

Два сына протопопа умерли от голода и тягот пути. Но среди всех несчастий Аввакум сумел сохранить ревностную веру и истовое благочестие.

В 1662 году Аввакуму пришло разрешение возвратиться из ссылки на Русь. Протопоп с домочадцами и брошенными Пашковым больными казаками двинулся в обратный путь, который занял около двух лет.

Вернувшись на «большую землю», Аввакум был расстроен, видя, что в церквах служат по новым книгам. Тяжкие думы одолели протопопа. Ревность о вере схлестнулась с заботами о жене и детях. Аввакум рассуждал: «Что сотворю? Проповедаю ли слово Божие или скроюсь где? Понеже жена и дети связали меня».

Однажды протопопица, увидев мужа печальным, тревожно спросила:

– Что, господине, опечалился еси?

– Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворе. Говорить ли мне или молчать? Связали вы меня! – с сердцем сказал протопоп.

Но в супруге он нашел достойную сподвижницу.

– Господи, помилуй! – воскликнула Марковна. – Что ты, Петрович, говоришь? Аз ты и с детьми благословляю: дерзай проповедати слово Божие по-прежнему, а о нас не тужи. Дондеже Бог изволит, живем вместе, а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай. Силен Христос, и нас не покинут! Поди, поди в церковь, Петрович, обличай блудную еретическую!

Ободренный поддержкой любимого человека, Аввакум, «до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торгах кричал, проповедуя слово Божие и уча, и обличая безбожную лесь».

Весной 1664 года изгнанник достиг столицы. Это было время беспатриаршия, когда после конфликта с царем Никон покинул святительский престол. Слух о знаменитом Аввакуме быстро распространился по всему городу.

Сам Алексей Михайлович удостоил протопопа аудиенции, «слова милостивые говорил» и велел поселить Аввакума в Кремле. Государь, казалось, благоволил к протопопу: проходя мимо его двора, неизменно кланялся и испрашивал благословения.

И вот, пользуясь таким отношением, Аввакум подал царю пространную челобитную, так называемую «первую», ибо за ней последовали еще четыре. В ней протопоп призывал царя «отложить служебники новые и все ево, Никоновы, затейки дурные».

Дождаясь государева ответа, Аввакум всего себя посвятил заботам о пастве. Он писал многочисленные послания, утешая страждущих и подбадривая робких, проповедуя верность отеческому православию.

Поскольку эта проповедь имела огромный успех, царь приказал окольничему Родиону Матвеевичу Стрешневу уговорить протопопа молчать, дабы он не «искушал» москвичей. На некоторое время Аввакум как будто действительно покорился.

Но «паки заворчал», вновь написав Алексею Михайловичу челобитную, в которой вновь просил, чтобы царь «старое благочестие взыскал». В итоге всего через полгода по возвращении из ссылки Аввакум получил предписание: «Власти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошил, поедь-де в ссылку опять».

Сначала протопопа с семьей повезли за Полярный круг, в далекий Пустозерский острог⁷⁸. Но с дороги он отправил царю челобитную, слезно умоляя «робятишек ради» смягчить наказание и оставить семью в Холмогорах или каком-нибудь другом, не столь отдаленном месте.

Друзья Аввакума просили за него в Москве, и в итоге ему с женой и шестью детьми приказали жить в Поморье на Мезени⁷⁹. Здесь он провел больше года, а семья оставалась и позднее.

Весной 1666 года Аввакума под стражей повезли в Москву для суда на большом церковном соборе. Сначала его держали в Пафнутьево-Боровском монастыре, безуспешно уговаривая принять новые обряды. Затем отвезли в столицу, где после прений о вере повели в Успенский собор, расстригли и предали анафеме⁸⁰.

Перед судом греческих патриархов и русских архиереев несломленный Аввакум предстал 30 апреля 1667 года. Он вспоминал: «От писания с патриархами говорил много. Бог отверз грешные мои уста, и посрамил их Христос!»

После долгих споров греки заявили Аввакуму:

– Что-де ты упрям? Вся-де наша палестина, – и серби, и албансы, и волохи, и римляне, и ляхи, – все-де трема персты крестятся. Один-де ты стоишь в своем упрстве!

Протопоп им ответил:

– Вселенстии учителие! Рим давно упал и лежит невсклонно. И ляхи с ним же погибли, до конца враги быша християном. А и у вас православие пестро стало от насилия турецкаго Магомета. Да и дивить на вас нельзя, немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца! У нас Божиею благодатию самодержство. До Никона отступника в нашей Росии у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и Церковь немятежна.

Патриархи задумались, а русские епископы загалдели:

– Глупы-де были и не смыслили наши русские святые. Не учоные-де люди были, чему им верить? Они-де грамоте не умели.

Эти слова оскорбили Аввакума, он не стерпел и выбранил собор. Архиереи кинулись на протопопа и стали его избивать, а потом приказали посадить на цепь.

После собора Аввакум и другие ревностные защитники старой веры (священник Лазарь из города Романова и соловецкий инок Епифаний) были отправлены в заточение в Пустозерский острог. Перед отправкой в ссылку Лазаря и Епифания подвергли казни: им отрезали языки, иноку также «поперек костей» отсекали четыре перста на правой руке.

А Лазарю, как вспоминал Аввакум, «положа правую руку на плаху, по запястье отсекали. И рука отсеченная, на земли лежа, сложила сама персты по преданию и долго лежала так пред народы. Исповедала, бедная, и по смерти знамение Спасителево неизменно. Мне-су и самому сие чудно: бездушная одушевленных обличает!» Самого протопопа от казни спасло лишь заступничество царицы.

В декабре 1667 года Аввакум и его соратники прибыли к своему последнему земному пристанищу, которым стала страшная земляная яма. Наступил заключительный период жизни протопопа.

⁷⁸ Пустозерск – ныне исчезнувший город в Заполярном районе Ненецкого автономного округа.

⁷⁹ Мезень – ныне город в Архангельской области.

⁸⁰ Анафема – церковное проклятие, отлучение от Церкви.

Но в заточении Аввакум не унывал. В письме к своему ученику Семену Крашенинникову он с грубоватым юмором рассказывал о темнице, в которой сидел вместе с Епифанием: «Я ведь не богослов, что на ум напало, я тебе то и говорю. Горазд я, Симеон, есть да спать, а как ветхая та испражнять? Покой большой у меня и у старца милостию Божиею. Где пьем и ядим, тут, прости Бога ради, и лайно испражняем, да складше на лопату, да и в окошко. Хотя воевода тут приходит, да нам даром. Мне видится, и у царя Алексея Михайловича нет такого покоя. Еретики, собаки! Как то их диявол научил: жива человека закопай в землю! Хлебом кормят, а срать не пускают!»

В апреле 1668 года в Пустозерск прибыл четвертый узник-старообрядец – Феодор, диакон кремлевского Благовещенского собора. До этого в феврале ему отрезали язык.

Во время заключения протопоп Аввакум написал многочисленные послания единомышленникам, челобитные царю и другие сочинения, которые были для староверов «светлее солнца». Здесь же не самочинно, но по благословению старца Епифания взялся Аввакум за свое прославленное «Житие».

Заточив Аввакума в Пустозерском остроге, за тысячи верст от Москвы, власти надеялись заставить его замолчать. Но вышло наоборот. Пустозерск превратился в проповеднический и вероучительный центр старообрядческого движения.

Сочинения протопопа, написанные в холодной земляной яме, в крошечной тьме, при багровом дымном свете лучины, обошли весь мир, пережили века и читаются поныне.

Проходили годы, на Руси совершались важные перемены, а тяжелому заключению не предвиделось конца. В 1676 году скончался Алексей Михайлович, и на престол вступил его сын Феодор.

Наверное, протопоп умер бы в тюрьме своей смертью от голода и холода, забытый властями. Но его судьба резко переменилась 6 января 1681 года.

В этот день, на праздник Богоявления Феодор Алексеевич был на Москве-реке, где совершался чин освящения воды. В это время в кремлевском Архангельском соборе, где похоронены русские цари, старообрядцы «безстыдно и воровски метали свитки богохульные и царскому достоинству безчестныя... Тайно вкрадучися в соборныя церкви, как церковныя ризы, так и гробы царския дехтем марали и сальные свечи ставили»⁸¹.

Началось следствие, и возникло подозрение, что староверы действовали «наущением того же расколочальника и слепаго вождя своего Аввакума». Протопопа обвинили в распространении «злопакостных» и «злохульных» писаний, направленных против царя и высшего духовенства.

И вскоре из Москвы в Пустозерск пришел указ: «За великие на царский дом хулы сжечь Аввакума и его товарищей». В Страстной Пятки, 14 апреля 1682 года протопоп Аввакум, поп Лазарь, диакон Феодор и инок Епифаний были казнены.

⁸¹ Малышев В. Н. Материалы к «Летописи жизни протопопа Аввакума» // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского дома. Сборник научных трудов. Л., 1985. С. 219.

Глава 5

Боярыня Морозова

В 1632 году в Москве в семье царского дворецкого Прокопия Федоровича Соковнина родилась дочь Феодосия. Вместе с ней в отцовском доме росли два старших брата, Феодор и Алексей, и младшая сестра Евдокия.

В семнадцать лет скромную и благочестивую красавицу Феодосию выдали замуж за царского спальника и ближнего боярина Глеба Ивановича Морозова. Этот суровый вдовец был гораздо старше юной супруги – ему было далеко за пятьдесят, он был славен и богат, владел более чем двумя тысячами крестьянских дворов.

Еще более славен и богат был его старший брат Борис Иванович Морозов, влиятельнейший человек того времени, дядька (воспитатель) и свояк царя Алексея Михайловича, всесильный временщик, бывший молодому самодержцу «во отцово место». Борису Ивановичу принадлежало неслыханное по тем временам богатство – более семи тысяч дворов.

Выйдя замуж за Глеба Ивановича, Феодосия стала вхожа и в царские палаты, и в дома высшей московской знати. Муж любил Феодосию, и она отвечала ему почтительной, благоговейной любовью, заповеданной строгими уставами Домостроя. В 1650 году у Морозовых родился сын Иван, болезненный и тихий мальчик.

После смерти бездетного Бориса Морозова все его вотчины перешли к брату. А после того, как в 1662 году умер Глеб Морозов, единственным наследником и владельцем несметных богатств боярского рода оказался малолетний Иван Глебович, опекаемый матерью.

Неизвестно, когда Феодосия познакомилась с протопопом Аввакумом, ставшим ее духовным отцом. Весной 1664 года Аввакум, вернувшийся из сибирской ссылки в Москву, поселился в доме Морозовой, хотя Алексей Михайлович сначала поместил протопопа с семьей в Кремле, поближе к себе. Но Аввакум предпочел царским хоромам терем боярыни.

Здесь протопоп наставлял духовную дочь в благочестии, читая вечерами ей душеполезные книги, она же в это время пряла нитки или шила рубахи. Эти нитки, рубахи и деньги Феодосия тайно раздавала нищим.

На сырых и убогих боярыня истратила треть огромного состояния. Дома же ходила в заплатанной одежде, а под ней сокровенно носила власяницу, которую надевала, благословляясь у духовного отца:

– Благослови-де до смерти носить! Вдова-де я молодая после мужа своего, государя, осталася. Пускай-де тело свое умучю постом, и жажду, и прочим оскорблением. И в девках-де, батюшко, любила Богу молитися. Кольми же во вдовах подобает прилежати о души, веще бессмертней⁸².

Набожная боярыня щедро подавала милостыню на храмы и монастыри. В своем доме привечала прокаженных, юродивых и странников. Один из странников, инок Трифилий, рассказал Феодосии о благочестивой подвижнице, старице Мелании – ученице Аввакума. Морозова пригласила старицу к себе и стала ее смиренной послушницей.

Опытная и учительная инокия, Мелания наставляла боярыню «сотворити всякое богоугодное дело». Вместе они ходили по тюрьмам и разносили милостыню. Вместе, встав затемно, ежедневно обходили московские святыни и поклонялись им.

В это же время Феодосия захотела принять иночество. Неоднократно она обращалась к наставнице, умоляя постричь ее, но Мелания не спешила. Тайный постриг состоялся лишь

⁸² Аввакум, *прот.* О трех исповедницах слово плачевное // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 448–449.

осенью 1670 года, когда в Москве прилучился старообрядческий проповедник, игумен Досифей, который и совершил чин пострижения. Боярыня Феодосия стала черницей Феодорой.

Новоначальная инокиня предалась суровому подвигу – посту, молитве и молчанию. И совершенно устранилась от домашних дел, которые препоручила верным людям.

Между тем царь, овдовевший в 1669 году, решил жениться во второй раз. Избранницей государя стала Наталья Кирилловна Нарышкина, будущая мать Петра I. Брачный пир должен был состояться 22 января 1671 года. На него позвали и Морозову, первую придворную боярыню.

Но боярыни Морозовой больше не было, была смиренная инокиня Феодора. И она отказалась, сославшись на болезнь:

– Ноги мои зело прискорбны и не могу ни ходить, ни стоять.

Царь не поверил отговорке и воспринял отказ как оскорбление. Топая ногами, «тишайший» государь в гневе кричал:

– Возгордилась!

С той поры он возненавидел боярыню и искал случая покарать ее за «гордыню», а заодно и присоединить к казне огромное состояние Морозовых. От недоброжелателей боярыни царь узнал, что она придерживается старообрядчества, и это послужило поводом для опалы.

В начале Рождественского поста 1671 года стало ясно, что Морозову арестуют. Государь сам говорил об этом с приближенными, среди которых был кравчий, князь Петр Семенович Урусов, муж Евдокии – младшей сестры боярыни.

Вечером 15 ноября за ужином Урусов рассказал о готовящемся аресте свояченицы и разрешил жене навестить сестру, повидаться в последний раз. Евдокия допоздна задержалась в доме Морозовой и осталась у нее ночевать. А дома княгиню ждали дети: три дочки и сыночек Васенька.

Глубокой ночью раздался стук в ворота, крики и лай собак. За Морозовой приехали. Боярыня пробудилась в испуге, но Евдокия ободрила ее:

– Матушка-сестрица, дерзай! Не бойся – с нами Христос!

Сестры помолились и испросили друг у друга благословения свидетельствовать истину. Феодора спрятала Урусову в чулане, а сама вновь легла на пуховик под иконами.

Тут в опочивальню без стука и приглашения вошел в сопровождении дьяков и стрельцов Иоаким, архимандрит Чудова монастыря, будущий всероссийский патриарх. Он объявил, что прибыл от самого царя, и заставил Феодору встать для допроса.

Начался обыск и в чулане нашли княгиню. Иоаким стал допрашивать Феодору:

– Как ты крестишься и как молитву творишь?

Она сложила двуперстное крестное знамение и показала ему. Так же поступила и Евдокия, бывшая, как и сестра, старообрядкой и духовной дочерью протопопа Аввакума. Этого было достаточно.

С усмешкой Иоаким обратился к боярыне:

– Не умела ты жить в покорении, но утвердилась в своем прекословии, посему постигло тебя царское повеление, чтобы изгнать тебя из дома твоего. Полно тебе жить на высоте, сойди вниз. Встав, иди отсюда!

Но Морозова не повиновалась приказу архимандрита, и ее силой вынесли из опочивальни. Сестер заковали в ножные кандалы и заперли в подвале, а боярским холопам велели крепко стеречь свою госпожу.

Через два дня с сестер сняли цепи и повели в Кремль, в Чудов монастырь на допрос к митрополиту Павлу Крутицкому и архимандриту Иоакиму. На допросе Феодора держалась мужественно, ее не смущали ни слова о покорности царю, ни призывы вспомнить о сыне и домашнем хозяйстве.

На все возражения церковных иерархов она отвечала:

– Все вы еретики, власти, от первого и до последнего! Разделите между собой глаголы мои!

Так же твердо держалась и княгиня Урусова. Сестер вновь заковали и отправили на двор Морозовой.

На следующий день к узницам приехал думный дяк и привез тяжелые цепи с ошейниками, которыми заменили легкие кандалы. Феодора целовала новые вериги и радостно восклицала:

– Слава Тебе, Господи, что сподобил меня узы апостола Павла возложить на себя!

Потом сестер разлучили. Княгиню Урусову отвели под крепкий начал в Алексеевский монастырь. А боярыню Морозову посадили на дровни и повезли в тюрьму, на бывшее подворье Псково-Печерского монастыря.

Ее везли через Кремль, мимо царских теремов. Думая, что государь из своих покоев смотрит на ее позор, Феодора под звон цепей осеняла себя крестным знамением и прости-рала к царским окнам десницу с двуперстием.

Этот момент изобразил на знаменитой картине живописец Василий Иванович Суриков. По картине «Боярыня Морозова» (1887), хранящейся в Третьяковской галерее, старообрядческая мученица известна всему миру.

Заснеженная улица старой Москвы, толпа расступается перед дровнями, на которых сидит закованная в цепи немолодая женщина в черном. «Художник остановился на изображении момента увоза Морозовой на допрос, после которого она не возвратится и умрет в ссылке и заточении. Весь сложный строй чувств и переживаний, в котором раскрываются мысли и чувства народа, сложная реакция его на изображенное здесь событие составляют суть содержания»⁸³.

Сам художник вспоминал: «А то раз ворону на снегу увидел. Сидит ворона на снегу и крыло одно отставила, черным пятном на снегу сидит. Так вот этого пятна я много лет забыть не мог. Потом боярыню Морозову написал»⁸⁴.

Безусловно, ярчайшее впечатление от картины – лицо Морозовой. Суриков никак не мог найти его: «Я на картине сперва толпу написал, а ее после. И как ни напишу ее лицо – толпа бьет. Очень трудно ее лицо было найти. Ведь сколько времени я его искал. Все лицо мелко было. В толпе терялось»⁸⁵.

После долгих поисков художник, наконец, увидел лицо одной уральской староверки, приехавшей в Москву: «Я с нее написал этюд в садике, в два часа. И как вставил ее в картину – она всех победила»⁸⁶.

Во время длительного темничного заключения Морозовой умер «от многия печали» болезненный Иван Глебович. Узнав о кончине ненаглядного сына, Феодора рыдала так горько, что даже надзиратели плакали от жалости.

Так же убивалась о своих детях и Евдокия Урусова, томившаяся в одиночном заключении в Алексеевском монастыре. На волю, «птенцам сирым» и духовному отцу, она посылала многочисленные письма, которые Аввакум метко называл «оханьем», так горестны и эмоциональны они были.

К счастью, до наших дней сохранились послания княгини к детям – памятник великой материнской любви. В них чувствуется и безмерная тоска, и твердая воля матери, желающей наставить детей на путь спасения.

⁸³ Гольдштейн С. Н. В. И. Суриков: 1848–1916. М., 1941. С. 36.

⁸⁴ Василий Иванович Суриков: Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1977. С. 170.

⁸⁵ Там же. С. 185.

⁸⁶ Там же.

Сыну Васеньке, например, Урусова писала: «Буде ты, любезной мой, возлюбишь веру истинную, старую, а от нового от всего станешь беречися, и ты будешь от Бога вечно помилован... А буде грех ради моих возлюбишь ты нынешнюю, новую веру, и ты скоро умрешь и тамо станешь в будущем мучитца. И меня не нарекай уш себе матерью! Уш я не мать тебе, буде ты возлюбишь нынешнюю, новую»⁸⁷.

Дочерей наставляла: «Поживите хорошо, пекитесь а душе. Все минетца, а душа всево дороже!.. Храните веру, во всем любовна поживите, любите друг друга и брата берегите, всему доброму учите брата, чтобы хранил веру. Говорите ему ласково, не ленитесь молитца. Простите, светы мои сердешные»⁸⁸.

Среди этих материнских скорбей царь злорадствовал о кончине Ивана Глебовича. Теперь никто не стоял между ним и огромным богатством Морозовых, которое тотчас отошло в государеву казну. Очень быстро Алексей Михайлович расточил все боярское имение: вотчины, стада и табуны раздал приближенным, а драгоценности велел распродать.

Однако ни смерть любимого сына, ни лишение богатства не смогли поколебать веру Морозовой. Она по-прежнему была тверда и непреклонна. За непослушание властям светским и церковным царь велел Феодору, Евдокию и их сподвижницу Марию Герасимовну Данилову, жену стрелецкого головы Иоакимфа Данилова, предать пыткам на дыбе.

Однажды студеной ночью узниц свезли к пыточной избе, где их ждали знатные царедворцы, князья Волынский, Воротынский и Одоевский, которые были назначены царем «над муками их стояти». Страдалиц раздели до пояса, связали им руки за спиной и стали поднимать на дыбах, «на стряску».

При этом благородные князья всячески стыдили и укоряли мучениц. Феодора не молчала, но обличала их. За это ее долго держали «на стряске», отчего веревки протерли руки до жил.

Палачи, сняв с дыб обнаженных по пояс женщин с вывернутыми за спину руками, бросили их во дворе на снег. Там они пролежали три часа, а вельможные князья придумывали для них новые пытки и издевательства: жгли огнем и клали на груди мерзлое полено.

Потом Марию Данилову избили плетями по спине и животу. Эта пытка была столь бесчеловечна, что Морозова в слезах закричала:

– Это ли христианство, чтобы так человека умучить?

После истязаний страдалиц развезли обратно по тюрьмам.

Вскоре Феодору с Печерского подворья перевели в Новодевичий монастырь, а оттуда в Хамовническую слободу. Старшая сестра Алексея Михайловича, царевна Ирина, вступилась за боярыню:

– Почто, брат, дурно поступаешь и вдову бедную помыкаешь с места на место? Нехорошо, брат. Попомни службу тебе Бориса и Глеба Морозовых!

От таких слов «тишайший» государь пришел в ярость и закричал не своим голосом:

– Добро, сестрица, добро. Коли ты нянчишься с нею, тотчас готово у меня ей место!

В тот же день Феодору увезли из Москвы в городок Боровск, «в жесткое заточение» в остроге. Вскоре туда же перевели Урусову и Марию Данилову.

Первоначально узницы жили в относительной свободе. Несшие охрану стрелецкие сотники Александр Медведский и Иван Чичагов были «задобрены» Иоакимфом Даниловым. Сотники разрешали проносить к узницам съестное, держать в тюрьме сменную одежду, книги и иконы.

⁸⁷ Письма Е. П. Урусовой // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1. М., 1988. С. 588.

⁸⁸ Там же. С. 589.

Но неожиданно все изменилось, когда из Москвы для следствия приехал подьячий Павел Бессонов. Жалкое имущество заключенных он приказал отобрать, а сотников отдал под суд «за воровство и за неосторожность, что они на караулах стояли оплошно»⁸⁹.

Морозову с Урусовой перевели в страшную темницу – пятисаженную земляную яму. А Марию Данилову посадили в тюрьму к уголовникам. Царь повелел не давать сестрам ни пищи, ни питья, а ослушников этого приказа повелел казнить «главною казнию».

В темной яме началось медленное угасание двух женщин, слабых телом, но сильных духом. Мучениц изнурили не только голод и жажда, но и зловоние, и грязь, и холод, и бесчисленное множество вшей.

Первой умерла младшая сестра Евдокия. В предсмертный час она звала Феодору:

– Госпожа, мать и сестра! Я изнемогла и чую, что приблизилась к смерти, отпусти меня к Владыке моему! Молю тебя, госпожа, по закону христианскому отпой мне отходную. Что помнишь, то и говори, а что я вспомню, то сама проговорю.

И так в темноте они молились отходную, мученица мученицу отпевала в темнице и узница над узницей проливала слезы. А утром 11 сентября 1675 года бездыханное тело княгини Урусовой подняли из ямы, обвинили рогожей и похоронили на дворе острога. Инокня Феодора осталась одна.

Однажды, совсем изнемогши от голода и жажды, она подозвала стрельца, сторожившего тюрьму, и попросила со слезами:

– Раб Христов! Есть ли у тебя отец и мать в живых или преставились? Если живы – помолимся о них и о тебе, а если умерли – помянем их. Умилосердись, раб Христов! Зело изнемогла я от голода и хочу есть. Помилуй меня, дай калачика.

– Нет, госпожа, боюсь!

– Ну, хлебца.

– Не смею!

– Ну, немножко сухариков.

– Не смею!

– Если не смеешь, то принеси хоть яблочко или огурчик.

– Не смею! – прошептал стрелец, и мученица, вздохнув, сказала:

– Добро, чадо, благословен Бог наш, изволивший так! Если, как ты сказал, это невозможно, молю тебя, сотворите последнюю любовь – убогое мое тело, рогожей покрыв, неразлучно положите близ любезной моей сестры!

Феодора ненадолго пережила сестру. Почувствовав приближение смерти, она вновь призвала стражника:

– Раб Христов! Молю тебя, сходи на реку и вымой мою сорочку, ибо хочет Господь принять меня от сей жизни и неподобно мне в нечистой одежде возлечь в недрах матери своей земли.

Стрелец взял сорочку, спрятал под полый красного кафтана и, придя на реку, выстирал. Стирал, а сам плакал.

Ночью с 1 на 2 ноября 1675 года Феодора скончалась в затхлом мраке земляной тюрьмы.

Протопоп Аввакум горько оплакал смерть Морозовой и Урусовой: «Увы, увy, чада моя прелюбезная! Увы, други моя сердечная! Кто подобен вам на сем свете, разве в будущем святии ангели! Увы, светy мои, кому уподоблю вас? Подобни есте магниту камению, влекущу к естеству своему всяко железное. Тако же и вы своим страданием влекуще всяку душу железную в древнее православие»⁹⁰.

⁸⁹ Повесть о боярыне Морозовой. С. 65–66.

⁹⁰ *Аввакум, прот.* О трех исповедниках слово плачевное // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2.

Глава 6

Иов Льговский

Среди подвижников, почитаемых Церковью, особое место принадлежит преподобному Иову Льговскому. Верность старой вере он засвидетельствовал не исповедническим подвигом и мученической смертью, а иноческим смирением и пустынножизненным житием.

При жизни старец пользовался всеобщим почетом, но сейчас о нем помнят лишь историки.

Основной источник сведений о жизни Иова Льговского – «Повесть и сказание вкратце о житии и подвизех и отчасти чудес исповедание преподобного отца нашего игумена и строителя Иова», написанная неким иконописцем Максимом⁹¹.

«Повесть» известна в единственном списке, переданном в 1971 году в городе Клинцы⁹² старообрядческим епископом Иоасафом (Карповым, 1889–1973) археографической экспедиции Московского государственного университета.

Будущий подвижник родился в 1594 году в боярской семье и при крещении был наречен Иваном. Его отец – Тимофей Иванович Лихачев – служил при царском дворе.

По преданию, род дворян Лихачевых происходил от литовского шляхтича Лиховца (Лиховского), выехавшего в 1426 году из Литвы на Русь и прозванного здесь Лихачом.

Знаменитый историк и генеалог Николай Петрович Лихачев, летописец рода Лихачевых, установил, что Тимофей Иванович дослужился при царе Михаиле Федоровиче до звания степенного ключника (управляющего) Кормового двора, ведавшего приготовлением кушаний для царского стола, и «доставил возможность своим детям служить при дворе и достичь высоких чинов»⁹³.

Родиной Иова «Повесть» называет «пределы града Волоколамска». То есть тогдашний Волоколамский уезд, включавший в себя часть нынешних Московской и Тверской областей.

Вероятно, будущий подвижник родился в селе Ивановском Зубцовского уезда Тверской губернии, которым, как сообщает Николай Петрович Лихачев, потомки Тимофея Лихачева владели еще в XIX веке⁹⁴.

Иван был «младым отроком», когда умерла его мать Ирина, и Тимофей Лихачев снова женился. От второго брака родились два сына: Алексей и Михаил.

Сводный брат Иова – окольничий Алексей Тимофеевич Лихачев († 1729) – прожил около ста лет, верой и правдой послужив нескольким царям.

Мачеха любила Ваню и воспитывала его «во всяком благодеянии и вере, и чистоте». Она отдала пасынка обучаться грамоте, которую тот постиг быстрее сверстников, так что учитель дивился «разуму его и прилежанию».

Молитва и чтение душеполезных книг сделались излюбленным занятием мальчика. Он стал размышлять о том, «како угодити Господеви, и спасти душу свою, и уединитися, и устранитися мира сего суетнаго».

В двенадцать лет Иван тайно покинул отчий дом, не пожелав жить «в волнении мирския красоты и богатства тленнаго». Вместе с каликами перехожими он отправился странствовать по Руси и обошел многие монастыри.

⁹¹ «Повесть» опубликована в старообрядческом журнале «Церковь» за 1990–1992 гг.: вып. 0 (с. 50–55) и вып. 2 (с. 32–40).

⁹² Клинцы – город в Брянской области.

⁹³ Лихачев Н. П. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки [рода Лихачевых]. СПб., 1913. С. 21.

⁹⁴ Там же (примеч.).

Более всех обителей полюбился юному богомольцу прославленный Троице-Сергиев монастырь, где он и решил остаться. Помолившись у раки преподобного Сергия Радонежского, он слезно просил архимандрита Иоасафа принять его в число братии.

Архимандрит, видя, что отрок благочестив и добродетелен, оставил его. Иван же прилежно трудился на всякой монастырской службе, оказывая послушание к старшим и усердие в молитве.

Когда кровавое лихолетье Смутного времени захлестнуло Русь, иноземные войска, приведенные к Москве самозванцем Лжедмитрием II, осадили в сентябре 1608 года Сергиеву обитель.

Вместе с братией и стрелецким гарнизоном послушник Иван пережил все тяготы 16-месячного «троицкого сидения». Возможно, он принимал непосредственное участие в обороне обители.

После того как неприятель отступил от монастырских стен, в феврале 1610 года в Сергиеву обитель был назначен новый настоятель – архимандрит Дионисий (ок. 1570–1633), прославленный подвижник и многоученый книжник. Он полюбил Ивана, как сына, и, уступая его просьбам, постриг в монашество, назвав Иовом.

Пробыв много лет в послушании у Дионисия, «без лености ревнуя стопам его последовати и житию его святому подражати», Иов просил учителя отпустить его из монастыря для уединенного и безмолвного жительства. Настоятель согласился и благословил любимого ученика на поиски пустыни – тихого, незаселенного места.

Обходя безлюдные чащи, Иов обрел желанное прибежище в непроходимых лесах и болотах, на месте, называемом Могилево. Оно расположено на живописных берегах реки Цны, впадающей в озеро Мстино⁹⁵.

Здесь он поселился, выкопав в горе пещеру и разведя небольшой огород. Предаваясь молитве и труду, Иов жил в совершенном уединении, пока на его жилище не набрел купец, сбившийся с пути. Он со слезами просил отшельника указать дорогу в город и обещал в благодарность за помощь воздвигнуть на этом месте церковь в честь Пресвятой Богородицы.

Купец выполнил обещание, пожертвовав на строительство сто рублей – сумму по тем временам значительную. Получив благословение новгородского митрополита, Иов начал строить деревянный храм во имя Успения Божьей Матери. Церковь дважды горела, но подвижник каждый раз восстанавливал ее и украшал иконами.

К Иову стали сходитьсь иноки, ищущие пустынноческого жития, и так образовался скит – небольшая, уединенная обитель. Для собравшейся братии Иов был примером смирения и послушания.

В жаркий полдень он сам пас монастырский скот, отправляя пастухов на отдых. Он сам строил инокам кельи и сам клал печи, да такие, что «угару в зимное время отнюдь не бываше молитвами его святыми».

За праведное житие новгородский митрополит Макарий († 1626) удостоил пустытника священнического сана. Но братия не оценила подвиги Иова. Иноки ненавидели его заплатанную, «многوشвенную» одежду, гнушались его благотворительностью.

Им казалось, что, настоятель обрекает их на голодную смерть, раздавая хлеб сырым и убогим. Не желая пререкаться с недовольными, Иов тайно покинул обитель, не взяв ни пищи, ни одежды.

После долгих скитаний он пришел на место, называемое Ракова пустынь⁹⁶. Поставив здесь крест и избушку, Иов предался самым суровым подвигам отшельничества, питаясь

⁹⁵ Мстино – озеро в Тверской области.

⁹⁶ Ракова пустынь – ныне деревня Раково в Зубцовском районе Тверской области.

«вершием дубовым». Но и на сей раз люди прослышали о праведнике. И вновь к нему собрались иноки «от далечайших стран», и вновь образовалась обитель.

На деньги благочестивых доброхотов в ней была построена церковь во имя Покрова Богородицы. Так возникла Покровская Ракова пустынь. И как прежде настоятель трудился на пользу братии: рубил дрова, молот жито, носил воду, стирал одежду для престарелых иноков, словом, служил всем, «яко истовый раб и пленник».

Как-то, желая поклониться мощам святых московских чудотворцев, Иов отправился на богомолье в столицу. О славном подвижнике прослышал патриарх Филарет и пожелал с ним познакомиться.

Он пригласил чернеца в свои хоромы, угостил обедом и расспросил о его житии. Рассказ Иова восхитил архипастыря. Он благословил пустынника «за толикий труд иночества» остаться в Москве и быть патриаршим келейником.

Некоторое время Иов жил в столице, но, «не восхоте славы сея маловременная», тайно ушел в Могилевскую пустынь. Братия, прежде ненавидевшая его, примирилась со своим первым настоятелем. В этом удаленном скиту он жил до самой кончины патриарха Филарета в 1633 году.

Лишь после этого Иов покинул Могилево и отправился на поиски нового места для уединенного жития. Такое место он нашел на Красных горах.

Но и здесь Иов не смог укрыться от людей, желавших иметь его духовным отцом и учителем. Собравшаяся братия построила возле убежища праведника храм во имя святого Николы Чудотворца, отчего новая обитель прозвалась Никольской Красногорской пустынью⁹⁷.

Когда в 1640 году скончался патриарх Иоасаф, царь Михаил Федорович пригласил Иова в Москву на собор, созванный для выборов нового предстоятеля Русской Церкви. Был брошен жребий, павший на двух кандидатов – архимандрита Иосифа и старца Иова.

Государь желал видеть патриархом Иова и всячески принуждал его принять святительский сан. Старец же «не восхоте пустыню оставити» и бежал из столицы на Красные горы, где мирно жил до восшествия на патриарший престол Никона.

Когда Никон начал богослужебную реформу, Иов оказался в числе противников патриарха. В 1654 году на Руси свирепствовала страшная чума. И старец отправился в паломничество в Киев «помолитися о нашедшем серпе немилостивем на рускую землю мороваго поветрия». Поклонившись мощам древних подвижников, почивающим в пещерах Киево-Печерской лавры, Иов вернулся в Никольскую обитель.

Но жить здесь было небезопасно – Никон силой насаждал по всей Руси новые богослужебные обряды. «Повесть» говорит об этом образно: «Всепагубный же змий лукавый, отступник лстивый паки воздвизает бурю велию, на всю российскую землю мятеж, паче же на Церковь Божию».

И снова пустынник с учениками отправляется в странствие.

По верному замечанию историка Василия Григорьевича Дружинина, Иов «представлял из себя тип древнего отшельника, стремившегося провести остаток дней своих спокойно, в вере отцов. Он не пропагандировал своих убеждений; поэтому, боясь принуждений к перемене обрядов, он удалялся из одного монастыря в другой, ища мирного пустынного жития. Иов весьма походил на древнерусских пустынножителей, невольных колонизаторов страны, основателей обителей»⁹⁸.

⁹⁷ Никольская Пустынь – ныне деревня в Zubцовском районе Тверской области.

⁹⁸ Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 72.

На южном рубеже Руси, на Льговских горах, обрел Иов новое место для мирного пустынного жития. Было оно «угодно и красно ко вселению иноческого пребывания и к монастырскому строению полезно».

Помолившись, иноки начали копать в горах пещеры, расчищать лес и засеивать поля. В новой обители был построен храм во имя святого великомученика Димитрия Солунского, большая трапезная палата и множество келий.

Рядом с монастырем возникла слободка⁹⁹, которую населили старообрядцы, бежавшие от преследования светских и духовных властей. От нападений крымских татар обитель и слободку защищал крепкий частокол с башнями и бойницами.

В 1667 году Льговский монастырь успешно отразил набег татарского войска. В плен было взято более семидесяти крымчаков, которых отослали к царю Алексею Михайловичу.

«Повесть» сообщает, что «великий же государь, слыша таковое побеждение сопротивных от преподобнаго отца нашего, зело удивися, яко при его державе такое чюдо бысть».

Царь послал Иову шесть больших пушек, триста мушкетов, «пороховой казны и свинцу довольно» и даже четыре знамени «золотных, по отласу шитых».

Впрочем, частокол и башни обороняли монастырь не только от татарских орд, но и от государевых войск. Все-таки для властей Иов был «раскольником и Церкви Божией противником». В 1672 году к обители подходил отряд московских стрельцов под командованием стольника Стефана Нащокина, посланный для розыска и поимки беглых староверов.

Хотя разорения монастыря удалось чудом избежать, Иов понял, что и здесь небезопасно оставаться. В 1674 году он покинул Льговские горы и ушел на Дон, к вольным казакам, которые крепко держались старой веры и многожды приглашали старца к себе, «дабы шел до мест их и освятил грады их пришествием своим».

Перед этим он в последний раз побывал в Москве и посетил в темнице опальную инокиню Феодору – боярыню Морозову.

В «Повести о боярыне Морозовой» рассказывается, как узница, узнав, что Иов находится в столице, просила начальника тюремного караула:

– Егда бех в дому моем, во едином от сел наших служаше некий священник, старый сый, и бяше милость наша к нему. Ныне же слышах, яко zde он. Жаль ми его, старости ради. Аще есть твоя милость к нашему убожеству, повели, да призову его¹⁰⁰.

Начальник разрешил Иову прийти в темницу и причастить узницу. Встреча с боярыней так растрогала пустытника, что до самой смерти он не мог без слез вспоминать «великое страдание великия госпожи».

На реке Чир – притоке Дона – старец основал свою последнюю обитель. Первоначально иноки, инокини и миряне жили вместе. Это не нравилось старцу, и он основал особую женскую обитель в двух верстах от мужской.

В мужском монастыре Иов построил храм во имя Покрова Богородицы и украсил его «святыми иконами, и книгами, и ризами, и всею церковною красотою, яко же подобает». Но подвижник не успел освятить церковь – 9 мая (по другим данным 27 февраля) 1681 года он скончался.

Почувствовав приближение смерти, Иов призвал братию и обратился к ней с последним поучением:

– Блюдайте заповеди Божия и храните предание святых апостол и святых отец седми соборов вселенских, и монастырский чин весь по преданию отеческому творите со всяцем утверждением.

⁹⁹ Ныне на этом месте расположен город Льгов Курской области.

¹⁰⁰ Повесть о боярыне Морозовой. С. 140.

Также заповедал, чтобы ученики через три года раскопали его могилу и, если обретут его тело нетленным, то пусть по-прежнему держаться старой веры, а если тело истлеет – то пусть не ходят «тем путем».

Затем Иов пожелал принять схиму, причастился, трижды перекрестился и почил со словами:

– В руце Твои, Господи, предаю дух мой!

Весь Дон оплакал кончину праведника. А братия «со слезами и сокрушенным сердцем» похоронила своего наставника там, где он сам выбрал себе место – в храме, близ правого клироса.

И вскоре, как рассказывает «Повесть», от гробницы Иова стали совершаться многие чудеса: «Слепым прозрение, глухим слышание, немым глаголение, бесным очищение и всяким недугом исцеление».

О почитании казаками святого Иова красноречиво свидетельствует «Слово о некоем мужи именем Тимофеи» – памятник старообрядческой литературы конца XVII века. В нем повествуется о видении загробного мира десятилетним отроком Иоанном, которое произошло 7 января 1687 года.

Отрок во сне увидел Страшный Суд, рай и ад. Были показаны Иоанну и сами райские и адские области. В раю отрок лицезрел протопопа Аввакума, прочих страдальцев за старую веру – «в велицей славе велик собор мужей и жен и на них венцы пресветлы», и преподобного Иова.

«И мало преидоша, и узрех пресветло место, всяцemi цветы украшено, и в нем мужа священнолепна и во священной одежди, на нем же венец осмиуголен. И глагола ми водяй мя аггел: “Се есть авва Иов”»¹⁰¹.

В 1689 году кочевники-калмыки, которых царская власть использовала для борьбы с «раскольниками», зажгли степь, отчего погорел и Чирский монастырь. Когда разбежавшиеся иноки вернулись на пепелище, то с радостью обнаружили, что в сгоревшей дотла церкви осталась совершенно целой гробница Иова.

Было решено вскрыть могилу и освидетельствовать мощи старца. И хотя прошло восемь лет со дня его кончины, тело Иова, схима и ризы обрелись совершенно целыми и чудесно благоухающими. Только не доставало одного пальца на руке и одного на ноге – «свойственно бо есть земли свою часть взяти».

Спустя много лет, в 1731–1733 годах, по доношению Военной коллегии Синод расследовал дело о «раскольниках старой веры святого Иова, мощи которого лежат нетленны на Чиру»¹⁰².

На Чир были посланы казаки и священники «для осмотра нетленных мощей». Местные атаманы «объявили» гробницу подвижника, которая была открыта, но «мощей нетленных не явилось, только лежали мощи сухие голые», то есть кости.

Надо полагать, затем останки старца были сожжены. Так обычно поступали власти со старообрядческими святынями в XVIII веке.

Но память об Иове укрепляла казаков в верности старообрядчеству: три века Область Войска Донского была оплотом старой веры. Не угасала на Дону и иноческая жизнь.

Большевицкое раскалывание нанесло страшный урон донскому старообрядчеству, от которого оно не оправилось до сих пор. Многие священники и иноки были репрессированы, многие храмы закрыты, все монастыри разрушены.

¹⁰¹ Пигин А. В. Слово о некоем мужи именем Тимофеи – памятник старообрядческой литературы XVII века // Старообрядчество в России (XVII – XX вв.): сборник научных трудов. Вып. 3. М., 2004. С. 92.

¹⁰² Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. Т. 11: (1731 г.). СПб., 1903. Стб. 563–565.

Последняя донская инокия – столетняя схимница Еликонида – умерла в наши дни. С ее кончиной прервалась подвижническая традиция, основанная преподобным Иовом.

Глава 7

Соловецкое разорение

В 1636 году на Соловецкие острова прибыл из Москвы молодой священник Никита Минин. Невзгоды мирской жизни вынудили его искать успокоения в прославленной северной обители, и, едва уговорив супругу постричься в одном из столичных монастырей, он отправился на Соловки.

Местом своего подвижничества Никита избрал Троицкий скит на Анзерском острове, основанный старцем Елеазаром († 1656). Скит этот был славен строгим уставом и суровым житием пустынников. На Анзере московский священник принял постриг и был наречен Никоном.

С отеческой любовью Елеазар отнесся к новонаначальному иноку, скоро ставшему одним из лучших его учеников. Никон старался во всем подражать подвижнику. Как и старец, он предавался посту и воздержанию, занимался иконописью и резьбой по дереву. В июне 1638 года Елеазар и Никон отправились в Москву собирать деньги на строительство каменной скитской церкви.

Но собранных денег было недостаточно для строительства. Поэтому Елеазар не спешил начинать работы, и деньги лежали без движения. Это злило Никона, заподозрившего наставника в сребролюбии.

Подозрения переросли в открытую ссору, кончившуюся тем, что в 1639 году Никон бежал на рыбацкой лодке с Анзера на «большую землю», унося в сердце неизбывную ненависть к Соловкам.

Никон бежал, а островная братия еще долго обсуждала видение, бывшее Елеазару. Однажды во время литургии старец увидел огромного черного змия, обвившегося вокруг шеи Никона, и в ужасе воскликнул:

— Яко великое зло Росия себе сего израти!¹⁰³

Прошли годы, инок Никон стал архимандритом столичного Новоспасского монастыря, родовой усыпальницы Романовых, и «собинным» другом Алексея Михайловича. В 1648 году по настоянию царя Никон был назначен митрополитом Великого Новгорода вместо еще живого митрополита Афония.

Оскорбленный Афоний удалился на покой в Хутынский монастырь, где скончался в 1652 году. Чувствуя приближение смерти, он просил призвать на свое погребение не нового митрополита, а какого-нибудь другого архиерея, «занеже Никон враг Божий есть»¹⁰⁴.

К Соловецкому монастырю, входившему в Новгородскую епархию, митрополит Никон испытывал стойкую неприязнь, старался всячески ущемить в правах и унижить прославленную обитель, издавна пользовавшуюся самоуправлением и обширными льготами.

Но горшая беда пришла на острова весной 1652 года, когда Никон по государеву велению приехал в монастырь за мощами святого Филиппа (Колычева), московского митрополита, убиенного в 1569 году жестоким опричником Малютой Скуратовым. Соловецкая братия с огромным риском и трудностями разыскала тело мученика и похоронила в обители, настоятелем которой Филипп был в 1548–1566 годах.

От мощей совершались чудесные исцеления, прославившие монастырь и привлекавшие многочисленных паломников. И вот Никон забирал святыню в столицу! Ни угощение

¹⁰³ Денисов С. История об отцах и страдальцах Соловецких: лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина / издание подготовлено Н. В. Поньрко и Е. М. Юхименко. М., 2002. С. 39.

¹⁰⁴ Бубнов Н. Ю. Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне. СПб., 2006. С. 361.

от царского имени, ни раздача ста рублей милостыни не могли утешить братию, со слезами провожавшую мощи. Но митрополит увозил с Соловков не только святыню.

На Соловках, в монастырской тюрьме томился уроженец Салоников, инок Арсений Грек. Получив образование в Италии, Арсений изрядно поездил по свету, сменил несколько стран проживания и несколько вер: успел побывать и православным, и униатом, и католиком, и даже мусульманином.

В январе 1649 года Арсений приехал в Москву в свите иерусалимского патриарха Паисия. Но на Руси грек был уличен в вероотступничестве и «за многие ереси» сослан на Соловки.

В монастырской тюрьме Арсений провел три года. Никон, приехавший за мощами Филиппа, имел несчастье познакомиться с узником, очароваться его европейской образованностью и забрать с собой в Москву.

Пока Никон ездил на Север за чудотворными мощами в столице скоропостижно скончался престарелый патриарх Иосиф. На освободившийся архипастырский престол царским изволением был назначен новгородский митрополит Никон.

В 1653 году новый патриарх начал справу русских богослужебных книг по греческим образцам. Главным справщиком на московском Печатном дворе стал пресловутый Арсений.

Со слезами восприняли на Соловках известие о том, что вчерашний еретик и вероотступник Арсен ныне правит божественные книги:

– Братия, братия! Увы, увy! Горе, горе! Пала вера Христова, яко же и в прочих землях, в земли русской двема врагами Христовыми, Никоном и Арсеном¹⁰⁵.

Скорбь соловецких иноков была небезосновательна: справа, возглавляемая Арсением, привела к порче и искажению богослужебных книг, о чем писал Каптерев: «Несомненно, что Арсений как иностранец-грек не настолько однако владел русским языком, чтобы постичь все его тонкости, понимать все его особенности и оттенки, уметь всегда подыскать нужное слово, нужный оборот речи, чтобы точно, ясно выразить ту или другую мысль, точно и верно по строю речи формулировать известное учение. Многое и, конечно, очень многое для Арсения как иностранца оставалось в русском языке непонятным и закрытым, почему его переводы естественно во многом отличались от старых, нередко уступали им в ясности, точности, в уместности того или другого выражения, казались иногда двусмысленными и соблазнительными»¹⁰⁶.

Сам Арсений Грек и возглавляемая им справа казались русским людям чем-то демоническим. Когда в 1654 году в Москве свирепствовала чума, молва объясняла эпидемию тем, что «держит-де у себя патриарх ведомово еретика, старца Арсения. И во всем-де ему дал волю, и велел быть у справки печатных книг. И тот чернец многие книги перепортил»¹⁰⁷.

Новые перепорченные богослужебные книги привезли на Соловки лишь в октябре 1657 года. Архимандрит Илия сложил их под замок в оружейную палату и указал продолжать службу по старым.

Правда, не все в обители были готовы к сопротивлению властям. Священник Герман и архидиакон Евфимий дерзнули служить по новым книгам, за что были наказаны плетьюми.

Перед Пасхой 1658 года все священники подписали отказ от новых служебников. А 8 июня того же года этот отказ был закреплен в приговоре общего монастырского собора.

¹⁰⁵ Житие [инока] Епифания // Пустозерская проза. М., 1989. С. 175.

¹⁰⁶ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. С. 485.

¹⁰⁷ Вознесенский А. В. К истории дониконовской и никоновской книжной sprawy // Патриарх Никон и его время: сборник научных трудов. М., 2004. С. 155.

Так начался открытый протест против церковной реформы, продолжавшийся около двадцати лет. Но все эти годы соловецкая братия жила в относительном спокойствии – Москва не досаждала отдаленным островам.

В 1659 году, по смерти архимандрита Илии, настоятелем монастыря по выбору братии стал старец Варфоломей. При нем в 1660 году на Соловки возвратился на покой оставивший настоятельство в подмосковном Саввино-Сторожевском монастыре архимандрит Никанор, царский духовник, соловецкий постриженник, многие годы исполнявший в обители должность книгохранителя.

В 1666–1667 годах в столице проходили два церковных собора, обычно объединяемых историками в один большой Московский собор. Он низложил реформатора Никона, но вместе с тем проклял старые церковные обряды и их приверженцев.

На собор были вызваны архимандриты Варфоломей и Никанор. Причем Варфоломей считал за лучшее отказаться от старообрядчества и принести покаяние.

Узнав об этом, соловецкая братия стала упорно ходатайствовать перед Москвой о смене настоятеля, прося поставить на это место Никанора. Но правительство только отчасти удовлетворило их просьбу. Новым архимандритом был поставлен не Никанор, а Иосиф – начальник Соловецкого подворья в Москве. Он, как и Варфоломей, отрекся от старообрядчества на том же соборе.

Иосиф и Варфоломей прибыли на Соловки 14 сентября 1667 года, приведя с собой ладью, груженную бочками с вином, медом и пивом. Но братия отказалась принять нового настоятеля, заявив Иосифу:

– Нам ты, архимандрит, не надобен!

Иноки арестовали Иосифа и Варфоломея, а бочки с хмельным разбили на пристани.

А 21 сентября на Соловки вернулся архимандрит Никанор. В Москве под угрозой казни его вынудили покориться церковной реформе.

Однако, вернувшись на Соловки, Никанор принес перед братией покаяние за свое отступление от старообрядчества, был прощен и занял пост фактического настоятеля монастыря, став духовным руководителем братии.

По прибытии Никанора чернецы и бельцы написали царю челобитную, в которой подтвердили решительный отказ от новых книг и обрядов: «Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержец! Молим твою, великого государя, благочестивую державу и плачемся вси со слезами. Помилуй нас, нищих своих богомолцов и сирот, не вели, государь, у нас предания и чину преподобных отец Зосимы и Савватия переменить. Повели, государь, нам быти в той же нашей старой вере, в которой отец твой государев и вси благоверные цари и великие князи и отцы наши скончались, и преподобные отцы Зосима и Саватей, и Герман, и Филипп митрополит и все святии отцы угодили Богу. Аще ли ты, великий государь наш, помазанник Божий, нам в прежней, святыми отцы преданней, в старой вере быти не благоволишь и книги переменить изволишь, милости у тебя, государя, просим: помилуй нас, не вели, государь, болши того к нам учителей присылать напрасно. Понеже отнюдь не будем прежней своей православной веры переменить. И вели, государь, на нас свой царьский меч прислать, и от сего мятежнаго жития преселити нас на оное безмятежное и вечное житие. А мы тебе, великому государю, не противны. Ей, государь, от всея души у тебя, великого государя, милости о сем просим и вси с покаянием и с восприятием на себя великого ангельского чину на той смертный час готовы»¹⁰⁸.

Это был открытый вызов. И ответ не заставил себя долго ждать: 3 мая 1668 года царским указом на Соловки для покорения монастыря было послано стрелецкое войско

¹⁰⁸ Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667–1676 годов. М., 2009. С. 300–301.

под командованием стряпчего Игнатия Андреевича Волохова. Началась восьмилетняя осада обители.

Стрельцы высадились на островах 22 июня 1668 года и обнаружили, что Соловецкий монастырь приготовился к осаде.

Попытка уговорить иноков сдаться ни к чему не привела. Братия отказалась подчиняться царскому указу: «И мы-де великого государя не слушаем и по новым книгам служить не хотим. И впред-де великий государь пришлет хотя многие тысеци, и мы-де сидим в городе»¹⁰⁹.

Ни к чему не привела и осада обители. Поэтому летом 1672 года Волохов был сменен сотником московских стрельцов Климентом Алексеевичем Иевлевым.

Сотник действовал более жестко, сжег все хозяйственные постройки за пределами монастырской ограды, но штурмовать обитель не решился. Поэтому в сентябре 1673 года Иевлева сменил третий военачальник – стольник и воевода Иван Алексеевич Мещеринов, получивший приказ взять обитель всеми доступными средствами под угрозой смертной казни.

Воевода действовал энергично и продуманно, осада повелась по всем правилам военного искусства. Под монастырские башни велись подкопы, ни днем, ни ночью не смолкала пушечная канонада, под гром которой стрельцы регулярно ходили на приступы.

Но взять Соловецкую обитель, лучшую русскую крепость того времени, было не так-то просто: крепкие ворота, толстые стены, высокие башни, а на башнях – пушки.

Рассказывали, что Никанор «по башням ходит беспрестанно, и пушки кадит, и водою кропит, и им говорит: матушки-де мои галаночки, надежда-де у нас на вас, вы-де нас обороните»¹¹⁰.

Победу Мещеринову принесло предательство: 9 ноября 1675 года из монастыря в воеводский лагерь пробрался чернец Феоктист. Он взялся провести отряд стрельцов потайным ходом внутрь обители.

В ночь на 22 января 1676 года под покровом снежной бури отряд проник в обитель потайным ходом, выломав кирпичи в наспех замурованном окне в одной из башен. Перебив полусонных стражей, стрельцы открыли монастырские ворота. В обитель ворвалось царское войско во главе с воеводой.

Начался ночной бой, неравный и скоротечный. После жестокой схватки у ворот стрельцы разбежались по обители, врываясь в кельи и храмы, убивая всех, вооруженных и безоружных, старых и молодых, бельцов и иноков – всех, кто попадался на пути. Мещеринов, налюбовавшись на картину кровавого разорения, возвратился в лагерь.

Семен Денисов в «Истории об отцах и страдальцах соловецких» подробно рассказывает о мученической гибели непокорных. Например, он так описывает расправу Мещеринова над архимандритом Никанором.

От старости и многолетних молитвенных подвигов Никанор сам не мог идти, поэтому воины привезли его к воеводе на маленьких саночках.

Мещеринов начал допрос:

– Рцы ми, Никаноре, чесо ради противился еси государю?.. Чесо ради воинства во обитель не пустисте и хотящия ити оружием отбивасте? ¹¹¹

На это старец отвечал:

¹⁰⁹ Денисов С. История об отцах и страдальцах Соловецких. С. 196.

¹¹⁰ Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667–1676 годов. С. 94.

¹¹¹ Денисов С. История об отцах и страдальцах Соловецких. С. 65.

– Самодержавному государю ниже противляхомся, ниже противлятися помышляхом когда... Вас, иже растлити древлецерковныя уставы, обругати священные отец труды, разрушити богоспасительныя обычаи пришедших, во обитель праведно не пустихом¹¹².

Смелый ответ разозлил Мещеринова, и он начал матерно ругать инок. На эту брань Никанор тихо отвечал:

– Что величаешься, что высишися? Яко не боюсь тебе, ибо и самодержца душу в руке своей имею¹¹³.

Это еще больше разъярило воеводу и, вскочив со стула, он стал избивать Никанора тростью, не стыдясь ни иноческого сана, ни почтенных седин архимандрита. Бил до тех пор, пока не выбил старцу зубы.

Потом приказал воинам тащить Никанора за монастырскую ограду, кинуть в ров и стеречь, пока не умрет. С грубым хохотом и непристойными шутками стрельцы тащили за ноги беспомощного старика, голова которого билась о камни. Окровавленного страстотерпца в одной нательной сорочке швырнули в глубокий ров, где он мученически скончался от ран и лютого мороза.

Один за другим представляли перед Мещериновым оставшиеся в живых иноки и бельцы. Все короче и короче становились допросы. Твердость и мужество староверов побуждали воеводу казнить всех без разбору. Стрельцы рубили головы, вешали кого за шею, кого за ноги, а кого на острых крюках за ребра.

Из нескольких сотен человек, сидевших в осаде, лишь четырнадцать иноков остались в живых. Все остальные либо погибли при штурме, либо были казнены.

За несколько дней Мещеринов разграбил обитель и нагрузил церковными драгоценностями целую ладью. По приказу воеводы Феокист и несколько уцелевших иноков подносили ему на праздники иконы в серебряных окладах с жемчугами и камнями из монастырского собора.

Впоследствии Мещеринов был уличен в хищении церковного имущества, предан суду и тюремному заключению.

При обыске у воеводы нашли громадную по тем временам сумму денег – 2 312 рублей, множество книг и икон, серебряную, оловянную и медную посуду, оружие, шубы, меха и даже железные часы с гирями.

Между тем в столице вечером 22 января царь неожиданно почувствовал сильное недомогание.

Диакон Феодор рассказывает об этом: «Наш московский царь Алексей Михайлович, прельщенный от Никона, еретика и отступника, при смерти своей позна неправду свою и законопреступление свое и отпадение от правыя веры отеческия. И вопиаше великим глаголом, моляся новым преподобномучеником соловецким: “О, господие мои! Послушайте мя и ослабите ми поне мало, да покаюсь!” Предстоящий ту и сидящи вопросиша его, глаголюще со ужасом: “Кому ты, царь-государь, молишися прилежно и умильно?” Он же сказа им: “Яко приходят ко мне, – рече, – старцы Соловецкаго монастыря и растирают вся кости моя и составы тела моего пилами намелко, и не быти живу от них. Пошлите гонца скоро и велите войску отступить от монастыря их”. Бояре же пославше гонца скорого по повелению цареву»¹¹⁴.

Но было поздно. В Вологде царский посланец встретил воеводского гонца, мчавшегося в столицу с известием о покорении монастыря. А царь Алексей Михайлович умер 29 января 1676 года.

¹¹² Там же. С. 65–66.

¹¹³ Там же. С. 66.

¹¹⁴ *Титова Л. В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму. С. 204.

Глава 8

Стрелецкое восстание

Народное восстание – страшное бедствие, о котором А. С. Пушкин писал: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Московский стрелецкий мятеж 1682 года ужаснул современников, а спустя века вдохновил многих деятелей культуры.

О нем хотел писать исторический роман И. С. Тургенев. Ему посвятил грандиозную оперу «Хованщина» М. П. Мусоргский. Один из эпизодов бунта запечатлел В. Г. Перов на картине «Никита Пустосвят».

В июле 1645 года умер от «водяной болезни» царь Михаил Федорович Романов, и на престол вступил его сын – юный Алексей Михайлович. В августе из Москвы в Лондон отправилось посольство, возглавляемое дворянином Герасимом Семеновичем Дохтуровым. Его целью было оповещение о воцарении нового государя и разведывание «всяких вестей» из области международной политики.

Посещение Англии нашим посольством пришлось на период острого конфликта между королем Карлом I и парламентом. Дохтуров не был допущен к монарху и полгода оставался почетным гостем парламента и торговых компаний. В 1646 году посольство вернулось на Русь. И Дохтуров, как тогда было принято, описал свое путешествие в особом «статейном списке»¹¹⁵.

Из этого описания в Москве узнали об одной из причин противоборства между королем и парламентом: Карл I сочувствовал «папешской вере» (католичеству), а «думные люди» (парламентарии) поддерживали радикальных протестантов – пресвитериан и индепендентов. Монарх хотел «владеть всем королевством по своей воле», а члены парламента требовали, чтобы «ему веру держать одну с ними».

Это противостояние вылилось в гражданскую войну, закончившуюся в 1649 году казнью Карла I. Новым правителем Англии – лордом-протектором – стал лидер радикальных протестантов Оливер Кромвель.

В годы войны частыми и обычными были казни инаковерующих – католиков и умеренных протестантов, и русские послы отметили это. Осматривая знаменитый Лондонский мост, Дохтуров обратил внимание на воткнутые копья, «а на копьях многие человеческие головы». Эти головы, пишет посол, принадлежали людям, казненным «за веру, кои с королем вместе». Также он стал очевидцем сожжения собранных отовсюду икон и других реликвий «папешской веры» на улице Чипсайд, неподалеку от дома, где жили русские.

Вряд ли Дохтуров и читатели его «статейного списка» могли предположить, что вскоре волна казней за веру захлестнет и Московское царство, а на улицах наших городов запыхают костры из икон и книг, содержащих в себе «оказательства раскола».

Начавшиеся в середине XVII столетия жестокие гонения на староверов были неоправданны и бессмысленны. За века преследований старообрядцы ни разу не оказали сопротивления властям, ни разу не поднялись с оружием в руках на защиту веры. Их протест всегда был пассивным.

Староверы снимались с насиженных мест, уходили из городов и деревень в леса и степи, бежали за пределы Руси, но никогда не бунтовали против своего царя, к которому всегда испытывали искренние верноподданнические чувства.

Если же старообрядцы и брались за оружие, как, например, во время восстания Пугачева, то не для защиты и утверждения старой веры, а для выражения недовольства деспо-

¹¹⁵ «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 40–41.

тизмом власти, крепостным состоянием, областными управителями и чиновниками, стеснением свободы и тягостью податного состояния.

После смерти Алексея Михайловича на престол вступил его сын – Феодор Алексеевич. Он процарствовал шесть лет и умер 27 апреля 1682 года, не оставив наследника. В Кремле началась борьба за власть.

Алексей Михайлович был дважды женат. Первой его супругой была Мария Ильинична из старинного рода Милославских. Она умерла в 1669 году, а через два года государь снова женился.

Второй супругой самодержца стала Наталья Кирилловна из незнатного рода Нарышкиных. От первой жены царь имел нескольких детей, в том числе сыновей Феодора (1661–1682) и Иоанна (1666–1696) и дочь Софью (1657–1704). От второй жены – сына Петра (1672–1725) и двух дочерей.

Милославские хотели, чтобы царем стал Иоанн Алексеевич. Нарышкины желали видеть на престоле малолетнего Петра Алексеевича. А царевна Софья, умная, властная и честолюбивая женщина, сама хотела править страной. Царевич Иоанн был болезненным и безвольным юношей, совершенно неспособным управлять государством. И бояре объявили новым правителем царевича Петра – крепкого, развитого мальчика.

Софья поняла, что теперь ей уготована обычная безрадостная судьба царских дочерей – насильственный постриг и скучная жизнь в монастыре. Но она не хотела смириться с этим. Она мечтала о власти. Царевна решила захватить престол, призвав к восстанию царское войско – стрельцов.

Стрельцы давно роптали, недовольные службой. Они уже не раз заявляли протесты по поводу своего непрерывно ухудшавшегося положения, имущественного и правового. При Алексее Михайловиче стрельцы потеряли ряд весьма существенных привилегий. Их обязали платить пошлыны, оброки и налоги. Столь же сильное недовольство вызывали непорядки в выплате жалования, его сокращение с 10 до 6 рублей.

Начальники войска, пятидесятники, сотники, пятисотники и полковники, злоупотребляли своим положением. Например, на полковника Семена Лукьяновича Грибоедова стрельцы жаловались правительству, что он им «налоги, и обиды, и всякие тесноты чинил», «бил их жестоким бои», «бил батоги ругательством», отобрал у них земли, «которые им отведены под дворы», и на тех землях «построил загородные огороды». На этих огородах Грибоедов заставлял «работать в неволю» не только стрельцов, но и их жен, и детей. Полковник посылал подчиненных «в деревни свои прудов копать, и плотин и мельниц делать, и лес чистить, и сена косить, и дров сечь». Кроме того, командир удерживал из жалования рядовых «многие деньги и хлеб»¹¹⁶.

Такое положение было во всех полках. Еще при жизни царя Феодора Алексеевича стрельцы выражали недовольство, подавая государю челобитные и собираясь на «круги», наподобие казачьих. На «кругах» они договаривались о выступлении против правительства и давали «обещание крепкое» – всем стоять заодно, а «кто в слове не постоит, и того казнию смертною казнить».

Также стрельцы «написали роспись за своими руками – кольке на полковниках взять государевы казны»¹¹⁷, то есть сколько взять с командиров за их притеснения и обиды.

Пользуясь возмущением воинства, агенты Софьи распространяли слухи, что под властью Нарышкиных стрельцов ждут новые притеснения и лишения. Также поговаривали, что братья царицы Натальи Кирилловны – Иван и Афанасий – хотят известить царевича Иоанна и захватить власть.

¹¹⁶ Восстание в Москве 1682 года: сборник документов. М., 1976. С. 20.

¹¹⁷ Буганов В. И. Страницы летописи Москвы: народные восстания XVI–XVIII веков. М., 1986. С. 142–143.

И вот 15 мая 1682 года по Москве разнесся слух, что Нарышкины убили Иоанна. Под звон колоколов и бой барабанов стрелецкие полки со знаменами и оружием вступили в Кремль. С криками, что они идут выводить изменников и губителей царского рода, воины ворвались во дворец.

Хотя царевич Иоанн был жив и невредим, стрельцы начали убивать родственников Натальи Кирилловны и сочувствовавших им бояр. В этот день был убит Афанасий Нарышкин. Его нашли в дворцовой церкви, под престолом. Воины вытащили его на паперть, рассекли и выбросили на площадь.

На следующий день стрельцы опять пришли в Кремль, требуя выдать им Ивана Нарышкина, грозясь в противном случае перебить всех бояр. Не добившись своего, 17 мая воины снова явились ко дворцу с криками, чтобы им выдали брата царицы. Стало ясно: не убив Ивана, стрельцы не уйдут из Кремля.

Тогда царевна Софья сказала Наталье Кирилловне:

– Брату твоему не отбыть от стрельцов! Не погибать же нам всем за него!

Перепуганные бояре со слезами умоляли царицу выдать брата и тем избавить их от неминуемой гибели. Делать было нечего.

Нарышкина отвели во дворцовую церковь, исповедали, причастили и вывели к войску. Стрельцы поволокли его в застенок на пытки, потом вытащили на Красную площадь и рассекли на части.

Закончилась расправа над «изменниками» тем, что 18 мая воины без оружия явились во дворец и просили царскую семью, чтобы Кирилла Полуехтовича Нарышкина – отца Натальи Кирилловны – постригли в иночество. Эта просьба была тотчас исполнена: старика постригли, нарекли Киприаном и незамедлительно отослали в далекий монастырь.

После казней 15–17 мая Москва оказалась во власти восставших стрельцов. К ним примкнули солдаты так называемых «выборных» полков, пушкари и часть горожан – посадские люди и холопы.

Правительству пришлось выслушать требования бунтовщиков: пусть на Руси будут два царя – первый царь Иоанн и второй царь Петр, а царевна Софья Алексеевна пусть будет их соправительницей. Власти уступили этим требованиям и назначили на 25 июня венчание на царство Иоанна и Петра.

Спустя сто лет эти события так были описаны в знаменитой Энциклопедии Дидро и д'Аламбера: «Из-за наличия армии стрельцов правительство <в России> походило на турецкое, так как стрелецкое войско, подобно янычарам, иногда распоряжалось тронem и вносило смуту в государство почти в той же мере, в какой его поддерживало. Стрельцов было 40 тыс. человек... Чтобы установить в России порядок, их следовало распустить. Это было совершенно необходимо, но столь же и опасно»¹¹⁸.

Софья спешила удовлетворить все требования стрельцов: раздавала им деньги, посулила вперед по 10 рублей на человека, пожаловала почетное звание «надворной пехоты». Начальником «надворной пехоты» был назначен известный воевода, князь Иван Андреевич Хованский. Он был ревностным старовером и не скрывал своих убеждений.

История предоставила Хованскому уникальный шанс возглавить вооруженную старообрядческую оппозицию, стать славянским Кромвелем и новым правителем России. Но князь не воспользовался этим шансом, предпочтя решительным действиям многословные разговоры. Не зря современники прозвали его Тараруй – болтун, пустомеля, враль.

Среди стрельцов было много староверов, поэтому в 1682 году Россия как никогда была близка к старообрядческой контрреволюции. Это позволило историку А. П. Щапову утвер-

¹¹⁸ История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л., 1978. С. 175.

ждать, что стрельцы «замышляли основать старообрядческое государство или раскольническую демократию»¹¹⁹. Но этим замыслам не суждено было осуществиться.

В те беспокойные дни многие старообрядцы думали, что, пользуясь слабостью властей и влиянием Хованского, можно уговорить Иоанна и Петра вернуться к старой вере, поправленной при Алексее Михайловиче. Стрельцы и москвичи составили челобитную царям, прося восстановить по всей Руси древнее благочестие и устроить открытый спор о вере. Князь вызвался быть посредником между народом и царским двором.

В день венчания на царство Хованский передал челобитную царевне Софье и патриарху Иоакиму. А 27 июня князь пришел к патриарху с представителями от войска и горожан для спора о вере.

Прения эти, состоявшиеся без свидетелей, ни к чему не привели. Иоаким не был расположен к беседе, у него вообще не было собственного мнения по религиозным вопросам. Недаром он говорил окольничему Михаилу Алексеевичу Ртищеву:

– Аз-де, государь, не знаю ни старыя веры, ни новыя. Но еже что велят начальницы, то и готов творити и слушати их во всем¹²⁰.

Повторное собеседование было назначено на 5 июля. В этот день с раннего утра в Кремле стали собираться толпы москвичей. В Грановитую палату пришли царица Наталья Кирилловна, царевна Софья, патриарх Иоаким, духовенство и бояре. С крестом, Евангелием, образами Богородицы и Страшного Суда, с древними книгами и зажженными свечами пришли в палату староверы. Их возглавлял священник Никита Добрынин из Суздаля, прозванный врагами Пустосвятом. Началась знаменитая «пря о вере».

Никита зачитал вопросы к никонианам. Иоаким сразу же заявил пришедшим:

– Не вам подобает исправлять церковные дела. Вы должны повиноваться матери Святой Церкви и всем архиереям. Новые книги исправлены по грамматике, а вы грамматического разума не коснулись и не знаете, какую содержит в себе силу.

Но Никита ответил патриарху:

– Мы пришли не о грамматике с тобой говорить, а о церковных догматах.

Началось бурное обсуждение. Иоаким держался неуверенно, Софья подбадривала его и пылко вмешивалась в спор. Стали читать челобитную с обличениями нововведений патриарха Никона. Никониане молчали, им нечего было возразить. Тогда царевна воскликнула:

– Если патриарх Никон – еретик, то и отец наш и брат такие же еретики стали? Выходит, что и нынешние цари – не цари, патриархи – не патриархи, архиереи – не архиереи? Мы такой хулы не хотим слышать, что отец наш и брат – еретики, мы пойдем все из царства вон.

Тотчас бояре и князь Хованский запричитали:

– Зачем царям-государям из царства вон идти? Мы рады за них головы свои положить.

А среди староверов послышались насмешки:

– Давно пора, государыня, вам в монастырь, полно царством-то мутить. Нам бы здоровы были цари-государы, а без вас пусто не будет.

Софья обозлилась и велела прекратить спор. Было решено продолжить его 7 июля. Но старообрядцы считали себя победителями и оставляли палату с радостным кличем: «Победили! Победили! Веруйте, люди, по-нашему!»

Но продолжение спора не состоялось. Софья подкупила воинство: командиры получили по 50–100 рублей (годовое жалование), некоторые были повышены в чинах, а рядовые получили вино и водку из царских погребов. Горе-вояки не устояли перед такими соблазнами и заявили о безразличии к вопросам веры:

– Нам до старой веры дела нет, это дело патриарха и церковного собора.

¹¹⁹ Буганов В. И. Страницы летописи Москвы. С. 149.

¹²⁰ Титова Л. В. Послание дьякона Федора сыну Максиму. С. 209.

Стрельцы схватили главного вдохновителя старообрядцев – Никиту Добрынина, которому еще вчера готовы были безоговорочно верить, и выдали властям. После пыток 11 июля священник был обезглавлен на Красной площади.

Недолго прослужил при дворе Хованский. Царевна Софья считала его слишком опасным. В начале сентября 1682 года возле царского дворца в селе Коломенском было найдено подметное письмо. В нем говорилось: Иван Андреевич Хованский с сыном Андреем хотят убить царей Иоанна и Петра, «царский корень известь», поднять на Руси старообрядческий бунт, выбрать новым царем Ивана Хованского, а новыми архиереями таких, «которые бы старые книги любили»¹²¹.

Обвиненный в измене, князь был казнен вместе с сыном 17 сентября в день именин царевны Софьи, в подмосковном селе Пушкине. По его имени стрелецкое восстание 1682 года принято называть Хованщиной.

Это восстание было одним из сильнейших народных движений XVII века. Но оно окончилось неудачей. Самых решительных из стрельцов разослали из столицы по окраинным городам, некоторых казнили.

Многие стрельцы, спасаясь от расправы, бежали из Москвы в разные стороны, переодеваясь в крестьянское платье. Правительство рассылало по городам грамоты о поимке беглых стрельцов – участников восстания, требовало их выдачи.

Строгие меры были приняты против староверов. Согласно указу 1685 года «О наказании рассеивающих и принимающих ереси и расколы»¹²² – пресловутым «Двенадцати статьям», старообрядцев предписывалось жечь в срубах за «хулу на Церковь» и распространение «мятежа». На Руси начались невиданные дотоле многовековые религиозные преследования.

¹²¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 6. М., 1991. С. 283–284.

¹²² Русское старообрядчество: светское и церковное законодательство XVII–XVIII вв. 2-е изд. СПб., 2012. С. 15–16.

Глава 9

Время страдания

Когда Великим постом 1653 года патриарх Никон рассылал по храмам Москвы «память» о введении новых церковных обрядов, протопоп Иоанн Неронов затворился в келье кремлевского Чудова монастыря и в течение седмицы предавался непрестанной молитве.

И был ему голос от образа Спасова:

– Время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!¹²³

Это грозное пророчество на несколько веков определило ход всей старообрядческой истории – вплоть до недавнего времени староверы «неослабно страдали» от притеснения светских и духовных властей.

Начало гонениям на старообрядцев положил сам патриарх, когда в том же году арестовал и отправил в ссылку протопопов Иоанна Неронова, Аввакума и Даниила. В следующем году Никон безжалостно расправился с другим противником – коломенским епископом Павлом.

Так в середине XVII века началось гонение на староверов, продолжавшееся с незначительными перерывами до горбачевской перестройки. Лучшие русские люди были признаны врагами государственной Церкви и самого государства, заклеены позорными прозвищами «раскольников», «еретиков», «ханжей», «изуверов», «пустосвятов» и «воров», а самое старообрядчество было объявлено «расколом» и «ересью».

Современный историк Андрей Николаевич Зайцев пишет: «Тысячи достойных людей были гонимы за то, что они ходили в “неправильную” с точки зрения властей церковь и таким образом не подчинялись государству, не были достаточно лояльными к царю (ведь царь молился в Церкви, принявшей реформы)»¹²⁴.

Жестокие гонения были неоправданны и совершенно бессмысленны. Ведь, как справедливо отмечает другой современный историк Евгений Викторович Анисимов, «старообрядцы реально не угрожали царской власти. Неизвестно ни одного случая, чтобы старцы задумывали покушения на жизнь ненавистных царей и иерархов церкви, а отчаянные одиночки их бы совершали. Сопротивление старообрядцев почти всегда было пассивным»¹²⁵.

Богословскую базу под гонения на староверов подвел большой Московский собор 1666–1667 годов. Впервые Алексей Михайлович созвал русских епископов в столицу в феврале 1666 года на собор, который должен был рассмотреть правомерность реформ Никона и решить судьбу старообрядческой оппозиции.

На соборе были допрошены наиболее известные апологеты старообрядчества, многих пришлось под стражей свозить из тюрем и ссылки. Некоторые принесли покаяние и покорились собору. Но протопоп Аввакум, поп Лазарь и диакон Феодор отказались признать новые церковные книги и обряды.

Одним собором царь не ограничился. В феврале 1667 года он снова призвал в столицу архиереев. Им надлежало еще раз осудить старые обряды и старообрядцев, а заодно разобрать дело Никона, самовольно оставившего патриаршую кафедру. Для придания собору вселенского масштаба на него пригласили греческое духовенство – александрийского патриарха Паисия и антиохийского патриарха Макария.

¹²³ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. С. 65.

¹²⁴ Зайцев А. Н. История Церкви. Вторая ступень: история. М., 2016. С. 157.

¹²⁵ Анисимов Е. В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 188.

Их главным советником стал грек Паисий Лигарид, митрополит палестинской Газы, доверенное лицо Алексея Михайловича. Другим консультантом и переводчиком был грек Дионисий, архимандрит афонского Иверского монастыря. Глазами этих двух явно пристрастных людей глядели заезжие архиереи на русские церковные дела, в которых совершенно не разбирались.

Собор 1667 года лишил Никона патриаршества, а также предал анафеме старые обряды и их приверженцев. До сих пор грозным эхом отзывается над Русью это проклятие: «Аще ли же кто не послушает повелеваемых от нас и не покорится Святой Восточной Церкви и сему Освященному собору или начнет прекословити и противлятися нам, и мы такового противника данною нам властью... проклятию и анафеме предаем, яко еретика и непокорника... И аще пребудет во упрямстве своем до скончания своего, то да будет и по смерти отлучен, и часть его, и душа со Иудою предателем, и с распеншими Христа жидовы, и со Арием, и со прочими проклятыми еретиками. Железо, камении и дерева да разрушатся и да растлятся, а той да будет не разрушен и не растлен во веки веков. Аминь»¹²⁶.

Собор осудил не только «раскольников», но и всех древнерусских святых, державшихся старых обрядов, обвинив их в «невежестве» и «безрассудстве»: «Глупы-де были и не смыслили наши русские святые. Не учоные-де люди были, чему им верить? Они-де грамоте не умели»¹²⁷.

Поэтому историк Антон Владимирович Карташев верно заметил, что иерархи «посадили на скамью подсудимых всю русскую московскую церковную историю, соборно осудили и отменили ее»¹²⁸. Но, вспоминая о соборе 1667 года, невольно задаешься вопросом: а судьи кто?

Патриархи Паисий и Макарий прибыли в Москву еще в ноябре 1666 года – вопреки воле константинопольского патриарха Парфения, запретившего им вмешиваться в чужие дела. Когда Парфений узнал, что Паисий и Макарий ослушались его и все-таки выехали на Русь, то созвал собор греческих епископов, который лишил их патриарших престолов.

Таким образом, Никона и старообрядцев судили не патриархи, а частные лица, выдававшие себя за таковых. Их советчики, Паисий и Дионисий, вообще оказались беспринципными авантюристами.

Житие Паисия Лигарида похоже на средневековый плутовской роман. Будучи католическим миссионером, выучеником иезуитской коллегии св. Афанасия в Риме, он проповедовал униатство в Константинополе и Валахии. Тут с ним познакомился иерусалимский патриарх Паисий. Иезуит сумел войти в доверие к своему тезке, и патриарх рукоположил его в православные митрополиты города Газы.

Однако Лигарид не поехал в Палестину, а отправился в далекую Москву, благочестивую, но неразборчивую. Здесь его никто не знал, и грек быстро стал при царском дворе важной персоной – «великим учителем и переводчиком».

Таким же авантюристом был афонский архимандрит Дионисий. В Москву он прибыл по приглашению Никона и Алексея Михайловича для работы на Печатном дворе над новыми богослужебными книгами. И хотя Дионисий был заподозрен в тягчайших грехах (содомии и курении табака) он стал при дворе незаменимым человеком как переводчик.

Именно его царь приставил к бывшим патриархам Паисию и Макарию. Но русские церковные дела мало волновали Дионисия. Его, как и Лигарида, интересовало только государственное жалованье – ефимки¹²⁹ и соболя.

¹²⁶ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. С. 225.

¹²⁷ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. С. 102.

¹²⁸ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. С. 223.

¹²⁹ Ефимок – русское название западноевропейского серебряного талера.

Законодательную базу под гонения на старообрядцев подвели «Двенадцать статей» царевны Софьи. Это был беспрецедентный по жестокости закон. Согласно ему проповедников старой веры надлежало казнить, сжигая в срубах, а пепел развеивать по ветру. Простых старообрядцев следовало бить кнутом, пытать, отрубать им правые руки, урезать уши и языки, отправлять в ссылку или сажать в тюрьму.

Даже тех, кто только укрывал «раскольников» или знал об их местонахождении, но не донес властям, надлежало бить кнутом и ссылать в монастыри. Все имущество староверов – дворы, поместья, вотчины, лавки, всякие промыслы и заводы – повелевалось отбирать в царскую казну.

«Двенадцать статей» были составлены при непосредственном участии всероссийского патриарха Иоакима, что позволило историку Василию Осиповичу Ключевскому утверждать: «Усиление карательных мер против старообрядцев нельзя ставить целиком на счет правительства царевны Софьи. То было профессиональное занятие церковных властей, в котором государственному управлению приходилось обыкновенно служить лишь карательным оружием»¹³⁰.

Принятие «Двенадцати статей» привело к тому, что сотни тысяч русских людей, опасаясь преследований и казней, устремились на окраины страны, в непроходимые леса Севера и бескрайние степи Юга. Многие вообще покинули родину, ища убежища в Польше или Турции.

Дворяне-староверы, боясь лишиться своих имений и вотчин, предпочли примкнуть к официальной Церкви. Так старообрядчество стало преимущественно простонародным движением – движением крестьян, купцов и мещан.

Власти преследовали не только староверов, но даже книги и иконы, в которых находили «оказательства раскола». Если, например, на иконе было изображено древнее двуперстное крестное знамение, то ее отбирали у владельцев, предварительно надпечатав сургучом, а затем либо уничтожали, либо зарисовывали. Представители власти так поступали даже в «просвещенном» XIX веке.

«Святотатственное бесчиние» чиновников и полицейских при разорении старообрядческой моленной описывает Марк Александров, герой знаменитого рассказа Николая Семёновича Лескова «Запечатленный ангел»: «Как они вошли, сейчас дверь на захлопку и прямо кинулись к образам. Одни лампы гасят, а другие со стен рвут иконы да на полу накладывают... Чиновники тем временем зажгли свечи и ну иконы печатать. Один печати накладывает, другие в описи пишут, а третьи буравами дыры сверлят, да на железный прут иконы как котелки нанизывают»¹³¹. Так власти боролись с «расколом», не щадя даже «редкое отеческое художество».

Подобным образом жандармы и чиновники поступали и со старинными богослужебными книгами, напечатанными до патриарха Никона. Если такие издания находили у кого-нибудь, то их отбирали и сжигали. Впрочем, иногда, выдрав «соблазнительные» листы, отдавали в бедные приходские церкви «для их скудости».

В богатых монастырях и храмах старопечатные книги быстро заменялись новыми и сваливались в чуланы и подвалы. Староверы тайно выкупали их у монастырских казначеев и церковных старост. Если пропажа все-таки обнаруживалась, то начальству сообщалось, что книги от времени обратились в пыль, а «каковых названий были эти старые книги, о том уведать невозможно, ибо за истлением прочесть их нельзя»¹³².

¹³⁰ Ключевский В. О. Курс русской истории // Сочинения в девяти томах. Т. 3. С. 334.

¹³¹ Лесков Н. С. Запечатленный ангел // Собрание сочинений в одиннадцати томах. Т. 4. М., 1957. С. 341–342.

¹³² Сенатов В. Г. Философия истории старообрядчества. М., 1995. С. 31.

Лишь в XX столетии будет оценена любовь староверов к древним книгам и иконам, признана огромная их заслуга в сохранении древнерусской культуры: «Старообрядцы, порвавшие с никонианской Церковью в XVII в. при Алексее Михайловиче, были большими консерваторами в искусстве. В своих скитах и церквах они сохранили много образцов иконописи, которые в противном случае могли безвозвратно погибнуть. Это большая объективная заслуга старообрядцев»¹³³.

Притеснения староверов ужесточились при императоре Петре I, который называл борьбу со старообрядчеством «равноапостольским» и «святым» делом. При этом государе «старообрядцы были поставлены за грань человеческого и гражданского сообщества»¹³⁴. Им повелевалось записываться в казенные «переписные книги», платить тяжкий двойной налог и носить одежду особого покроя.

Тех староверов, которые уклонялись от исполнения этих законов (а таковых было большинство), ждали пытки на дыбе «для изыскания истины», наказания кнутом и батогами, конфискация имущества, ссылка или казнь.

В преследованиях старообрядцев Петру и его державным преемникам усердно помогали видные иерархи: рязанский митрополит Стефан, Санкт-Петербургский архиепископ Феодосий, холмогорский архиепископ Афанасий (Любимов) и особенно нижегородский епископ Питирим.

В лице этих архиереев официальная Церковь благословляла и оправдывала бесчеловечные и поистине антихристианские гонения. Недаром митрополит Стефан писал в книге «Камень веры»: «Искус научает, что иного на еретиков врачевания несть паче смерти».

Анисимов справедливо замечает: «Законодательство о старообрядцах имело неуклонную тенденцию к ужесточению, что видно как по принятым законам конца XVII – первой половины XVIII в., так и по проекту Соборного уложения 1700–1703 гг. На старообрядцев, как на диких зверей, устраивались в лесах многочисленные облавы. Конец XVII – первая половина XVIII в. прошли под знаком – без преувеличения – тотального преследования старообрядцев. Своей бескомпромиссностью, жестокостью в многолетней борьбе с расколом официальная Церковь способствовала, в сущности, подлинному расколу русского общества, превращению его части в париев и одновременно к отторжению от официальной Церкви верующих народных масс, втайне симпатизировавших старообрядческим мученикам. Вместе с тем наступление на раскольников как врагов веры и государства вело к усилению фанатизма старообрядчества, к идейному застою, окрашенному эсхатологическими цветами ожидания конца света»¹³⁵.

Действительно, многих староверов охватили эсхатологические предчувствия. Многим казалось, что в мире воцарился жестокий антихрист и близок конец света. Сначала антихриста видели в патриархе Никоне, затем в царе Алексее Михайловиче и в его сыне – Петре I.

Последний более всех подходил на эту роль. Ведь Петр искренне любил все иностранное и ненавидел все русское (особенно – отеческую старину), он даже запретил носить народную одежду и бороды. Император открыто глумился над христианством, кощунственно устраивая «всешутейшие и всепьянейшие соборы», что, впрочем, не мешало ему объявить себя главой государственной Церкви.

Разве не о нем, не о Петре, писал апостол Павел: «Откроется человек беззаконию, сын погибели, противник, превозносящийся выше всего, глаголемого Богом или святынею, так что в Церкви Божией сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Сол. 2, 3–4).

¹³³ Щусев В. А. Живопись и скульптура в русской архитектуре // Русская архитектура: доклады, прочитанные в связи с декаданом по русской архитектуре в Москве в апреле 1939 г. М., 1940. С. 97.

¹³⁴ Анисимов Е. В. Дыба и кнут. С. 141.

¹³⁵ Там же. С. 140–141.

И многие старообрядцы, познав в императоре «сына погибели», покидали свои дома, бежали подальше от антихриста и его слуг, чиновников и священников, строили по лесам скиты один суровее, потаеннее другого, скрывались от мира. Девизом таких староверов стали слова апостола Иоанна: «Дети, последняя година!» (1 Ин. 2, 18).

Государство преследовало беглецов, посылая для их розыска и поимки карательные команды. Часто, боясь попасть в руки присланных солдат, староверы решались на добровольную мученическую смерть в огне – самосожжение. Эпидемия массовых самосожжений (гарей), свирепствовавшая в России с конца XVII до начала XIX века, унесла десятки тысяч жизней.

Проповедники «последней години» утверждали, что, после того как в мире чувственно (в лице патриарха или царя) или духовно (в виде «ереси Никона») воцарился антихрист, всякая благодать взята на небо. Святая Церковь бежала в пустыни, леса и горы. Священство Христово прекратилось, а вместе с ним прекратились и церковные таинства.

Историк Сергей Александрович Зеньковский верно назвал приверженцев этого учения «радикалами-пессимистами», «считавшими, что благодать Господня иссякла в Церкви и поэтому ни священство, ни таинство причастия не могут существовать в этом грешном мире»¹³⁶.

Эти «радикалы-пессимисты» более известны под названием «беспоповцев». Решив устраивать свою духовную жизнь без попов (отсюда и название), они отказались от большинства таинств, сохранив как «нужнейшие» лишь крещение и исповедь, совершение которых доверили особо избранным мирянам – наставникам.

Вера в наступление царства антихриста делала ненужным супружество и чадородие, ведь в любой момент может свершиться конец света и «горе же беременным и кормящим сосцами в те дни!» (Мф. 24, 19). Кроме того, на земле не осталось истинных священников, которые могли бы венчать браки. Поэтому проповедники призывали беспоповцев вести безбрачную, девственную жизнь.

Но проходили годы и десятилетия, а обещанное скорое светопреставление не наступало. И совершенное безбрачие не смогло привиться в беспоповстве, ибо оно возможно только в монастырях, в среде подвижников. А находящиеся в миру стали жить блудно.

Тогда некоторые наставники стали благословлять браки. Это привело к разделению беспоповцев на брачных и безбрачных – то есть признающих брак, благословленный простецом, и не признающих.

«Радикалов-пессимистов» Зеньковский противопоставил «традиционалистам-оптимистам», «признававшим священство, полноту таинств и возможность нормальной христианской жизни на земле». Подтверждение своему учению эти староверы находили в посланиях апостола Павла, писавшего, что таинство причастия просуществует до второго пришествия Христова: «Всякий раз, когда вы едите хлеб сей и чашу сию пьете, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1 Кор. 11, 26).

Тот же апостол учил и о вечности священства Христова: «Сей же, как пребывающий вовек, имеет и священство непреходящее» (Евр. 7, 24). Последователи такого учения, «традиционалисты-оптимисты», не мыслившие полноценной христианской жизни без евхаристии¹³⁷, без священства, без попа, получили название поповцев.

Главным проповедником этого учения был протопоп Аввакум, настаивавший на необходимости священника в деле спасения и удивленно вопрошавший: «Как же миру быть без попов?»

¹³⁶ Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Muenchen, [1969] (М., 1995). С. 425.

¹³⁷ Евхаристия (причастие, причащение) – церковное таинство, во время которого христиане вкушают тело и кровь Христовы (освященные хлеб и вино).

Аввакум и его последователи считали, что царство антихриста еще не наступило, а те исторические личности, которых некоторые признавали за «сыновей погибели», таковыми не являются. Они не антихристы, а лишь предтечи грядущего антихриста.

К концу XVII века поповцы стали испытывать острую нужду в духовенстве. Священники, еще до Никона поставленные благочестивыми епископами, постепенно умирали, а архиерея, который мог бы рукополагать для староверов новых попов, на Руси не было – святитель Павел Коломенский мученически погиб, не успев оставить преемника. В таком случае единственным источником священства для староверов становился епископат официальной Церкви, которую ревнители старины считали еретической.

Однако церковные каноны позволяют принимать священство от еретиков. Например, Первый вселенский собор в 325 году повелел принимать «в своем сану» епископов и священников, рукоположенных в ереси Новата (правило 8). Позднее Церковь устами преподобного Феодора Студита (759–826) признала у еретиков-иконоборцев «высокий дар священства».

Святой Феодор писал, что если клирик, рукоположенный епископом-иконоборцем, «сам не еретик, исповедует всю истину, соблюдает веру и правила неизменными, и уклоняющихся от того и другого отвергает, то нам нет никакого основания удаляться от него. Ибо таковой не подлежит осуждению» (Послание Стефану-чтецу и находящимся с ним)¹³⁸.

Тому же учил и протопоп Аввакум: «Аще он, поп, проклиная никониан и службу их, и всею крепостию любит старину: по нужде, настоящего ради времени, да будет поп! Как же миру быть без попов? К тем церквам приходить» (Послание рабам Христовым)¹³⁹. Аввакум также писал: «И я то помышляю: иной станет в попы те, а душою о старине той горит. Таковых по нужды приемлем» (Послание горемыкам миленьким)¹⁴⁰.

Так, руководствуясь древними правилами и наставлениями своих учителей, староверы-поповцы стали принимать новообрядческих священников в Церковь.

В XVIII–XIX веках жизнь и служение таких священников, прозванных «беглыми попами» (ибо они «бежали» в старообрядчество от официальной Церкви и «бегали» от преследования властей), были подобны жизни и служению апостолов. Для окормления своей многочисленной паствы им приходилось тайно разъезжать по всей Руси, посещая приходы, зачастую удаленные друг от друга на сотни верст. Иногда священник одновременно венчал несколько пар, крестил нескольких младенцев и отпевал нескольких покойников.

А старообрядческая литургия напоминала в те гонительные времена литургию первых христиан в катакомбах языческого Рима. Священник, приехав на приход, совершал божественную службу ночью, на дому у какого-нибудь благоговейного старовера, пользуясь переносной походной церковью.

«Беглых попов» неустанно разыскивало правительство. Участь священника, попавшего в руки властей, была ужасна: его ожидали застенки Сысного приказа или Тайной канцелярии.

Вот один из многочисленных примеров – дело священника Якова Семенова (1720 год), в котором сохранилось мнение Санкт-Петербургского архиепископа Феодосия: «Он, поп, в бытность в Москве, будучи в расколе, действовал по старопечатным книгам... И за такое его дерзновение, ежели не касается до него какое государственное дело, надлежит его с наказанием сослать в Соловецкий монастырь в земляную тюрьму для покаяния и быть ему до кончины жизни неисходно»¹⁴¹. То есть пожизненное заключение предусматривалось за одно служение по старым книгам!

¹³⁸ Феодор Студит. Послания. Кн. 1. М., 2003. С. 183.

¹³⁹ Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1, вып. 1. Л., 1927. Ст. 825–826.

¹⁴⁰ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. С. 246.

¹⁴¹ Анисимов Е. В. Дыба и кнут. С. 142.

Безусловно, священника ожидала бы страшная земляная тюрьма, если б он не умер во время следствия. И Семенов был лишь одним из тысяч старообрядческих мучеников, погибших в эпоху жестоких гонений.

Глава 10

Стародубье и Ветка

Вконце XVII века безжалостные гонения со стороны светских и духовных властей вынуждали староверов оставлять обжитые места и искать религиозную свободу и церковную независимость либо на окраинах Руси – на Дону, в Поморье, на Урале, на Алтае и в Сибири, либо на чужбине.

Спасаясь от жестоких притеснений, ревнители древлего благочестия бежали в земли, издавна враждебные Московии – в Польшу и Турцию. К началу XVIII столетия в Речи Посполитой, в Могилевском воеводстве, близ города Гомеля возник крупнейший духовный и культурный центр старообрядчества – Ветка. Ее признанным руководителем и наставником был священноинок (иеромонах) Феодосий.

Он прожил долгую и удивительную жизнь. В священнический сан Феодосий был рукоположен патриархом Иосифом († 1652), которого староверы почитают последним благоверным московским архипастырем. Феодосий служил в Никольском монастыре города Рыльска¹⁴² до тех пор, пока в 1653 году патриарх Никон не приступил к своим реформам.

Не желая служить по-новому, Феодосий ушел из обители. По преданию, он побывал в Москве, где посетил в темнице епископа Павла Коломенского и Каширского. В тюрьме Павел и Феодосий якобы имели беседу об устройстве старообрядческих общин, независимых от патриаршей Церкви.

Из Москвы священник ушел к казакам, на реку Северский Донец, где поселился в пустыни. Среди степной вольницы Феодосий пользовался всеобщим уважением: «Казаки его, старца, слушали и вельми почитали... за то, что он старец добрый и учительный человек»¹⁴³. Многим казакам он был духовным отцом.

Но в 1686 году Феодосий был пойман и доставлен к местным духовным властям, пытавшимся склонить старца к принятию реформ. И, как писал знаменитый старообрядческий начетчик Илларион Георгиевич Кабанов (Ксенос), инок «после безуспешных увещаний послан к Москве, к патриарху Иоакиму, идеже много нудим бысть к приятию новопредааний, и не повинуся. И того ради отдан бысть в градский суд, и тамо много мучен и биен, и принуждаем бе»¹⁴⁴.

За стойкую приверженность старой вере Феодосий был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где пробыл в заточении несколько лет, «стражда за благочестие, упражняяся в молитвах и от уныния писаше книги»¹⁴⁵.

Чтобы вырваться из темницы, старец притворился примирившимся с новообрядцами и, получив некоторую свободу, бежал в Поморье. Оттуда он отправился на Керженец¹⁴⁶, где в непроходимых лесах укрывались от гонений тысячи староверов.

Здесь Феодосий поселился около 1690 года, сначала в скиту Белмаш (Белбаж), затем в скиту Смольяны. В этой обители сохранялся довольный запас святого мира и запасные святые дары, освященные еще до патриарха Никона. За этими святынями в Смольяны приезжали старообрядцы со всей Руси. Пользуясь этим, Феодосий созывал в скиту соборы и

¹⁴² Рыльск – город в Курской области.

¹⁴³ Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1895. С. 173.

¹⁴⁴ Кабанов И. Г. (Ксенос). История и обычаи Ветковской Церкви // Старообрядческий церковный календарь [на 1994 год]. М., [1993]. С. 72.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Керженец – левый приток Волги.

открыто проповедовал древнее благочестие. Своей деятельностью он привлек внимание властей.

В 1694 году царские войска разорили и сожгли Смольяны, а Феодосий вынужден был бежать в Калугу, где жило немало староверов. Здесь он нашел заброшенную церковь, в которой за ветхостью уже много лет не совершались богослужения, но храм не был разорен. В нем сохранился и иконостас времен Ивана Грозного, и престол с антимином¹⁴⁷, освященным еще при патриархе Иосифе.

В Великий Четверток 1695 года Феодосий совершил в этой церкви литургию и освятил запасные дары. По замечанию писателя Павла Ивановича Мельникова (Андрея Печерского): «Все сделано было сообразно требованиям самых строгих ревнителей старого обряда. В дониконовской церкви, на дониконовском антиминос, дониконовского рукоположения священник совершил литургию по старому служебнику. Святость даров, освященных Феодосием, была для всех несомненна. Даже самые беспоповцы просили у него совершенных им даров»¹⁴⁸.

Вскоре в Калугу из-за польского рубежа прибыл инок Нифонт с письмом от тамошних староверов, умолявших старца прийти к ним.

Первые старообрядческие поселения на русско-польской границе были основаны в 1685 году, когда туда переселились со своими прихожанами священники Козьма и Стефан.

Отец Козьма служил в московской церкви Всех святых на Кулишках в Белом городе. Около 1678 года с двенадцатью семействами самых ревностных к древнему благочестию прихожан Козьма ушел на русско-польский рубеж.

В ту пору граница Русского царства с Польским королевством проходила неподалеку от Смоленска, Брянска и Чернигова. Местность вокруг пограничного города Стародуба¹⁴⁹ называлась Стародубьем, или Стародубским полком.

Как пишет Мельников: «Здесь у него <у Козьмы> был приятель, вероятно, один из сотников Стародубского полка, Гаврила Иванович. Снисходя к просьбе попа Козьмы, велел он курковскому атаману Ломаке поселить московских выходцев в местечке Понуровке»¹⁵⁰.

В первый же год беженцы заселили еще четыре слободы, население которых особенно умножилось после поражения в 1682 году московского стрелецкого восстания. Тогда же в Стародубье пришел священник Стефан из города Белева¹⁵¹ со множеством старообрядцев из калужских и тульских краев.

Когда в 1685 году правительство царевны Софьи издало «Двенадцать статей», стародубскому полковнику было приказано применить их против поселенцев. Тогда «священники же Козьма и Стефан со своими чады совет положиша отъйти в Польшу»¹⁵².

Перейдя польский рубеж, который был в пятнадцати верстах от их слобод, староверы нашли удобное место для поселения почти у самой русской границы. На пустынном острове реки Сож, недалеко от Гомеля они построили первую слободу, названную по имени речного острова Веткой. Также Веткой принято называть всю совокупность старообрядческих поселений в нынешней Гомельской области Белоруссии.

Весть о том, что в польских землях старая вера «во ослабе», привлекала сюда новых беженцев. В кратчайшее время они заселили четырнадцать больших слобод. Паны Халец-

¹⁴⁷ Антиминс (антимис) – четырехугольный плат сошитыми частицами мощей, необходимый для служения литургии.

¹⁴⁸ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки поповщины // Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. М., 1976. С. 227.

¹⁴⁹ Стародуб – город в Брянской области.

¹⁵⁰ Там же. С. 224–225.

¹⁵¹ Белев – город в Тульской области.

¹⁵² Кабанов И. Г. (Ксенос). История и обычаи Ветковской Церкви. С. 71.

кий и Красильский, которым принадлежало это место, были рады переселенцам, отвели им пустовавшие дотоле земли и, получая за них хороший чинш (оброк), покровительствовали и защищали «москалей», сколь могли.

Стефан и Козьма поселились в слободе Ветке¹⁵³. Но на новом месте между ними возникло разногласие – Козьма купил колокола «на позывание народное к службе», Стефан же не одобрил этого: «Мы не славится семо забегохом, но от новин и гонений укрытися, и в тайных сокровищах сих цело и непорочно благочестие соблюсти древнее, а он глас издает, чтобы призвати на ся паки гонение»¹⁵⁴.

Покинув Ветку, отец Стефан поселился в слободе Карпово, где и скончался. Отец Козьма сначала жил в Ветке, а потом в слободе Косецкой, где умер в 1690 году. По преданию, Козьму отпевал священноинок Иоасаф.

Этот Иоасаф был послушником и келейником преподобного Иова Львовского, который постриг Иоасафа во иночество, а затем ходатайствовал перед тверским и кашинским архиепископом Иоасафом († 1676) о хиротонии¹⁵⁵ своего любимого ученика в священнический сан. Архиепископ, рукоположенный Никоном в 1657 году, тайно сочувствовал староверам и имел «дружество» с Иовом. Он уступил просьбам подвижника и рукоположил Иоасафа по дораскольным книгам.

Некоторое время отец Иоасаф жил во Львовском монастыре при старце Иове. А в 1674 году, когда Иов переселялся на Дон, ушел в Польшу, в деревню Вылево¹⁵⁶, отстоящую от Ветки на двадцать верст. Но слобожане не приняли инока, считая его предателем древнего благочестия, получившим священнический сан от еретика.

Опечаленный Иоасаф возвратился на Русь и, как пишет церковный историк, рассказал игумену Досифею, уважаемому проповеднику старой веры, о своих злоключениях «и прошаше, да соблажнення ради народного не повелит ему священнодействовати. Досифей же, видя нужду в священстве, и внят о сем, помолився, и метну жребий, яко да тем показано будет от Бога, что ему сотворити, и паде жребий, еже бы священнодействовати Иоасафу. И тако известився, приим и благослови его священнодействовати»¹⁵⁷.

Ободрившись, Иоасаф вернулся на Ветку и поселился «от Вылева по пути семь верст». Между тем местные жители наконец-то уверились в истинности сана Иоасафа, просили его жить близ их слободы и служить для них. «Иоасаф же баше благонравен и легок во обычаи, не помяну их первыя досады, преклонися на прошение их, прииде»¹⁵⁸. Сначала он жил в Вылеве, а потом переселился в Ветку, где решил устроить церковь и монастырь.

Началось строительство. Но Иоасаф не успел освятить храм, он умер в 1695 году. Слобожане, почитавшие старца святым, положили его останки «в самой церкви, над которыми и амбон по подобию гроба зделан»¹⁵⁹.

В 1717 году «мощи его и одежда обретошася целы и нетленны, ничем же вредимы»¹⁶⁰. Была написана икона Иоасафа, составлено его житие и служба ему, к сожалению, не дошедшие до нас.

Отец Феодосий, прибыв на Ветку, увидел, что церковь, начатая Иоасафом, мала и не вмещает всех богомольцев, ибо население слобод значительно возросло. Тогда он велел рас-

¹⁵³ Ветка – ныне город в Гомельской области (Белоруссия).

¹⁵⁴ Алексеев И. История о бегствующем священстве. М., 2005. С. 11.

¹⁵⁵ Хиротония (рукоположение) – церковное таинство, во время которого человек посвящается в различные степени священства (диакона, священника, епископа).

¹⁵⁶ Вылево – деревня в Гомельской области (Белоруссия).

¹⁵⁷ Кабанов И. Г. (Ксенос). История и обычаи Ветковской Церкви. С. 71.

¹⁵⁸ Алексеев И. История о бегствующем священстве. С. 13.

¹⁵⁹ Петрухинцев Н. Н. Разгром Ветки // Родина: российский исторический журнал. 1999. № 7. С. 44.

¹⁶⁰ Кабанов И. Г. (Ксенос). История и обычаи Ветковской Церкви. С. 72.

пространить храм в длину и ширину и украсить старинным иконостасом из заброшенной калужской церкви.

В ту пору старообрядчество испытывало великую нужду в священстве – попы, рукоположенные до раскола, старели и умирали, а заменить их было некому. Ведь у староверов не было епископа, который мог бы рукополагать новых священнослужителей. Для разрешения этой проблемы Феодосий, «собрав лик иночествующих пустынножителей и мирских, советовал с ними соборно о приятии новохиротонисанных иереев по Никоне»¹⁶¹.

Собор постановил принимать в старообрядчество попов, иноков и мирян из официальной Церкви как еретиков второго чина, то есть через проклятие ересей и помазание святым миром. По преданию, Феодосию так советовал поступать сам святитель Павел Коломенский. Этого постановления Русская Церковь придерживается и ныне.

Но у староверов не хватало мира, употребляемого при крещении людей и освящении храмов. По церковным канонам миро, сложное ароматическое вещество из оливкового масла, белого вина и благовонных трав, символизирующее благодать Святого Духа, может варить и освящать только верховный епископ (патриарх или митрополит), которого у старообрядцев не было.

Дораскольное миро кончалось, а нового взять было неоткуда. Тогда Феодосий разбавил деревянным маслом имевшееся у него старое миро, руководствуясь при этом древним правилом: «Аще скудство будет мира в божественных крещениях, и церквоосвящениях, и во иной сего потребе, обретающемуся малому миру примешати елей прощено есть, яко да сице умножившися удолжит исполнити освящение требующим то» (Книга Матфея Правильника)¹⁶².

Также в чине освящения антиминсов, содержащемся в «Большом потребнике» – древнерусском сборнике молитвословий на разные случаи, указывается, что епископ берет «сосуд великаго мира исполнен или с маслом смешано за скудость»¹⁶³.

Возможно, тогда же был составлен чин отречения от никонианской ереси. Переходящий в старообрядчество проклинал тех, которые не крестятся двумя перстами «яко же и Христос», хулят древний трисоставный (восьмиконечный) крест и поклоняются четырехконечному «латинскому крыжу», «развратно» совершают крещение (не погружением в воду, а обливанием), бреют и стригут «постригалы и бритвами» бороды и усы, едят в посты мясо и т. п.¹⁶⁴.

Первыми иереями, принятыми в Церковь вторым чином, стали священник Александр из Рыльска, родной брат Феодосия, и священник Григорий из Москвы. «И сих иереев Феодосий приял вторым чином, с писанием отрицания нововводных и миропомазанием, и священников сих с первою хиротониею приял»¹⁶⁵.

Вместе с этими иереями осенью 1695 года Феодосий освятил расширенный храм во имя Покрова Богородицы на древнем антиминсе, привезенном когда-то отцу Иоасафу старицей Меланией, ученицей протопопа Аввакума.

Так начался расцвет Ветки, на несколько десятилетий превратившейся в столицу старообрядчества. Здесь ежедневно совершалась литургия, отсюда по всей Руси рассылались запасные дары и миро. Население слобод увеличилось до сорока тысяч человек.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² *Арсений (Швецов), еп.* Оправдание Старообрядствующей Святой Христовой Церкви. Письма. М., 1999. С. 117.

¹⁶³ Большой потребник. М., 7396 [1888]. Гл. 2.

¹⁶⁴ Чиноприятие приходящих от ересей и чин святого крещения. Уральск, 7416 [1908]. Л. 10–12.

¹⁶⁵ Иона (Курносый). История о бегствующем священстве // *Есипов Г. В.* Раскольничьи дела XVIII столетия. Т. 2. СПб., 1861. С. 185.

Явились многолюдные монастыри, мужские и женские. Иноки переписывали богослужебные книги (у староверов тогда не было своих типографий) и писали иконы. Инокнины ткали, шили золотом и изготовляли лестовки¹⁶⁶. Миряне занимались земледелием и торговлей.

Во время вторжения Карла XII и измены гетмана Мазепы старообрядцы Ветки и Стародубья сами собрались и стали против врагов России. Они вели партизанскую войну, отбивая у неприятеля обозы и нападая на небольшие отряды.

Несколько сотен шведов было убито слобожанами, а пленные были представлены императору Петру I. Государь, хоть и не жаловал «раскольников», но оценил их услугу, простил беженцев, разрешил вернуться в Стародубье, а Ветку повелел не трогать.

Вскоре Феодосий «за немощ конечныя старости» оставил руководство общинными делами, препоручив их своему брату Александру. Но авторитет Феодосия по-прежнему оставался непререкаемым. Недаром Кабанов писал: «Бяше же священный отец Феодосий добрый страж, добрый пастырь стада Христова, священных канонов и святоотеческих преданий блюститель, мира церковного хранитель, новосечений и нелепых мудрований обличитель и искоренитель, в распрях и смущениях сущим примиритель, иночеству предобрый наставник и искусный правитель и окормитель, не тоию близ сущих окормляя, но и в далечайших странах писаньми своими посеща»¹⁶⁷.

Незадолго до смерти Феодосию пришлось принять участие в обсуждении заблуждений священника Димитрия, диакона Александра и начетчика Тимофея Лысенина. Эти староверы с Керженца вводили новшества в церковные чины и уставы. Например, они признавали равносторонний четырехконечный крест («греческий крест») истинным крестом Христовым и поклонялись ему, а также по-особому совершали каждение.

Известие о новшествах довело Феодосия до «немалых слез», ведь в этом нестроении виделись предпосылки к новому расколу. В 1709 году старец вызвал на Ветку для увещевания Лысенина. Однако он не принес покаяния и остался при своем мнении, за что ветковский собор постановил не иметь с ним никакого общения.

В 1710 году на Ветке состоялся новый собор, на который были вызваны священник Димитрий и диакон Александр – духовные дети Феодосия. Старец, упросив прекратить раздор, отпустил их с благословением. Он послал на Керженец грамоту о примирении, где между прочим писал: «Усердно преклоняю колени сердца моего и горю о вас любовию о Христе духом моим и всею братиею моею. Молю всех вас, примите к себе моление и утешите мою старость до конца изнемогшую, от вашего разделения оскорбленную. Примиритесь между собою и пребудите в любви, якоже и прежде сего были»¹⁶⁸.

Скончался Феодосий в глубокой старости в 1711 году. Все старообрядчество признало его святым угодником Божиим, тем более, что тело его явилось нетленным: «По преставлении же его обретошася мощи его целы и ничим же вредимы»¹⁶⁹.

Они были погребены возле Покровского храма, «вне церкви подле алтаря, над которыми каплица <часовня> сделана»¹⁷⁰. К сожалению, останки Феодосия и прочих ветковских подвижников постигла печальная участь.

В 1735 году, на Страстной неделе произошла так называемая «ветковская выгонка». По приказу императрицы Анны Иоанновны русские войска – пять полков под командованием

¹⁶⁶ Лестовка – разновидность четок у старообрядцев.

¹⁶⁷ Кабанов И. Г. (Ксенос). История и обычаи Ветковской Церкви. С. 72.

¹⁶⁸ Журавлев А. И. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях. СПб., 1831. С. 237.

¹⁶⁹ Иона (Курносый). История о бегствующем священстве. С. 187.

¹⁷⁰ Петрухинцев Н. Н. Разгром Ветки. С. 44.

полковника Якова Григорьевича Сытина – силой оружия выслали в Россию сорок тысяч «беглых раскольников». Слободы были опустошены, монастыри – сожжены, а храмы – разграблены. Но многие миряне и иноки успели разбежаться по окрестным лесам.

Изгоняемые старообрядцы пытались увезти с собой тела Иоасафа, Феодосия и его брата Александра. Но Сытин опередил верующих и, вскрыв гробницы, освидетельствовал мощи. Затем переложил их в новые гробы, запечатал полковой печатью и отправил в стародубский посад Святск¹⁷¹. По именному указу императрицы останки были «непублично» сожжены близ Новгорода Северского, на речке Колоске, а пепел сброшен в воду.

Изгнанием староверов и сожжением мощей руководили правитель Малороссии князь Алексей Иванович Шаховской и киевский генерал-губернатор Иоганн Бернгард Вейсбах. После этого Вейсбах скоропостижно скончался 24 августа 1735 года. А генерал Шаховской внезапно умер 27 мая 1736 года «от тяжелой горячечной болезни»¹⁷².

Спустя несколько лет после «выгонки» в разоренные селения стали возвращаться старообрядцы, и к 1740 году Ветка снова заселилась. Были основаны новые слободы, возобновлены старые и заложены новые монастыри. Вновь на Ветке явились прославленные подвижники и почитаемые мощи. Возродились традиции писания икон и книг.

Пережив Речь Посполитую и Российскую империю, изведав несколько ужасных войн и разрушительную аварию на близлежащей Чернобыльской АЭС¹⁷³, негибкая Ветка сохранилась до наших дней, хотя ее блестящая слава и неоспоримое величие остались в прошлом.

¹⁷¹ Святск – село в Новозыбковском районе Брянской области, ныне не существует.

¹⁷² *Петрухинцев Н. Н.* Разгром Ветки. С. 44.

¹⁷³ Взрыв на Чернобыльской атомной электростанции произошел 26 апреля 1986 года.

Глава 11

Рогожское кладбище

Жестокие преследования староверов несколько ослабили лишь в царствование Екатерины II, правительство которой было заинтересовано в поддержке старообрядческого купечества, обладавшего «великими промыслами и торгами».

В 1762 году императрица издала манифест, приглашавший в Россию людей «иностранных разных наций, кроме жидов», а также призывавший вернуться на родину всех русских беглецов¹⁷⁴. Под беглецами подразумевались зарубежные староверы, прежде всего, жители богатых и многолюдных слобод Ветки.

Этим беглецам были обещаны следующие льготы: разрешение не брить бороду, носить народную одежду, освобождение на шесть лет от всяких податей. За манифестом последовал ряд указов, улучшавших положение вообще всех старообрядцев и уравнивавших их в правах с остальным населением империи.

Были отменены законы Петра I о бородах, русской одежде и двойном налоге. Также было официально запрещено называть приверженцев церковной старины «раскольниками», вместо этого «хульного имени» вводился термин «старообрядцы».

Впрочем, облегчение положения староверов не означало, что государство признало истинность их учения. Просто просвещенная царица считала, что старообрядцы имеют такое же право свободного вероисповедания, как и прочие ее подданные: новообрядцы, католики, лютеране, мусульмане или буддисты.

Дарование некоторых свобод староверам должно было способствовать благоденствию их общин и благополучию России, что являлось главнейшей целью Екатерины, писавшей: «Я иных видов не имею, как наивысшее благополучие и славу отечества; и иного не желаю, как благоденствия моих подданных, какого б они звания ни были»¹⁷⁵.

Самодержице вторила официальная пропаганда, так объяснявшая государственную политику веротерпимости: «Как всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и она <императрица> из тех же правил, сходяствуя Его святой воле, и в сем поступает, желая только, чтоб между подданными ее всегда любовь и согласие царствовали»¹⁷⁶.

И только в просвещенное царствование «матушки Екатерины» могло случиться доселе небывалое: в самой Москве, под носом высшего церковного и светского начальства «раскольники» основали свой духовный и административный центр с благолепными храмами. Возник этот центр в связи со следующими трагическими обстоятельствами.

В декабре 1770 года в Москве началась страшная эпидемия чумы, особенно усилившаяся в марте 1771 года. По рассказу очевидца, «народ умирал ежедневно тысячами; фурманщики или, как их тогда называли, “мортусы” в масках и вощаных плащах, длинными крючьями таскали трупы из выморочных домов, другие поднимали на улице, клали на телегу и везли за город»¹⁷⁷.

По распоряжению графа Григория Григорьевича Орлова, направленного в Москву для организации борьбы с мором, все кладбища в черте города были закрыты. Умерших хоронили на погостах подмосковных деревень в братских могилах.

¹⁷⁴ Никольский Н. М. История Русской Церкви. 2-е изд. М.; Л., 1931. С. 219–220.

¹⁷⁵ Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому императрицы Екатерины II // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 1. М., 1858. С. 101.

¹⁷⁶ Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 15. М., 1995. С. 108.

¹⁷⁷ Пыляев М. И. Старая Москва. СПб., 1891. С. 31.

В числе закрытых кладбищ оказались и два старообрядческих. Эти особые погосты с часовнями, известные с 1718 года, принадлежали староверам-поповцам.

Одно кладбище с часовней во имя Тихвинской иконы Божьей Матери находилось у Серпуховской заставы. Существование этого погоста косвенно подтвердилось в апреле 2015 года. Тогда при строительных работах в районе Мытной улицы и Хавского переулка случайно были найдены две надгробные плиты XVII века с надписями на немецком языке – остатки старейшего московского иноверческого кладбища¹⁷⁸.

Для властей старообрядцы были «иноверцами», как и немцы-лютеране, поэтому, надо полагать, их погост располагался где-то неподалеку.

Уже в XIX столетии от староверческого кладбища не осталось и следа. Но Тихвинская часовня просуществовала до начала XX века. В виде частной моленной она сохранялась в купеческом доме на Хавской улице.

Другой погост с часовней во имя святителя Николы Чудотворца находился у Тверской заставы. Когда-то неподалеку, на Большой Грузинской улице существовало еще одно иноверческое кладбище – армянское. Возможно, где-то рядом хоронили и усопших старообрядцев.

В конце XIX столетия Никольская моленная находилась возле Бутырского вала, в Заставном (Царском) переулке, во владении известных староверов Рахмановых. Иногда эту домашнюю моленную называли «Царской» по фамилии купца Николы Дмитриевича Царского (1783–1861), ее ревностного попечителя¹⁷⁹.

По указу сената вместо двух закрытых кладбищ поповцам была выделена земля для захоронения умерших в трех верстах от Рогожской заставы. Еще в начале XX века на Рогожском кладбище сохранялась общая чумная могила с замшелым обелиском.

На нем можно было прочесть, что сие место отведено для погребения умерших от моровой язвы. Тут же читалось стихотворное описание ужасов эпидемии, сочиненное безымянным поэтом и начинавшееся так:

В числе множества удручающих смертных скорбей
Моровая язва свирепее всех поедает людей,
Не щадит она младенцев, ни юношей цветущих лет,
И самым древним старцам от нее пощады нет.
Сия величайшая в мире на человечество напасть
Издревле ужаснее браней наводит собою страсть¹⁸⁰.

При учреждении старообрядческого кладбища была выстроена маленькая деревянная часовня во имя святителя Николы. В 1776 году ее сменил более обширный каменный храм.

В 1790 году с разрешения тогдашнего московского главнокомандующего князя Александра Александровича Прозоровского началась постройка по проекту архитектора Ивана Ивановича Марченкова большой холодной (неотапливаемой, летней) часовни во имя Покрова Богородицы. До сооружения храма Христа Спасителя она была самой обширной из московских церквей. По первоначальному проекту часовня должна была вмещать до трех тысяч богомольцев, иметь алтарные апсиды¹⁸¹ и пять глав.

¹⁷⁸ <http://dkn.mos.ru/about/news/detail/1857989.html>

¹⁷⁹ Козлов В. Ф. Москва старообрядческая. История. Культура. Святые. М., 2011. С. 191.

¹⁸⁰ Мариничева Г. А. История Рогожского поселка – центра старообрядчества. Воспоминания. М., 2004. С. 26.

¹⁸¹ Апсида – выступ здания, полукруглый, граненый или прямоугольный в плане, перекрытый полукуполом или сомкнутым полусводом. В христианских храмах в апсиде размещается алтарь.

О том, что староверы затеяли столь масштабное строительство, стало известно новгородскому и петербургскому митрополиту Гавриилу (Петрову). Митрополит пришел в ужас от подобной «дерзости» и подал императрице записку, в которой писал, что «лютые неприятели государству и государю» «начали строить церковь, превышающую пространством и огромностью Успенский собор, чтобы огромностью сего храма унижать первую в России Церковь в мыслях простого народа». Гавриил предлагал запретить строительство, а «начатую церковь обратить на другие, предписанные законом монархии для призрения бедных или для пользы общественной установления»¹⁸².

Прозоровскому пришлось оправдываться перед Екатериной и срочно приказать «выпуски для алтаря отломать, величины убавить и сделать план с одною главою и крестом». Этим объясняется некоторая несуразность архитектуры Покровского собора: гладкий и простой фасад, непропорционально маленькая глава и отсутствие алтарных апсид. Поэтому с внешней стороны храм напоминает огромный, но простой дом.

Впрочем, как гласит старообрядческое предание, милостивая императрица соизволила пожертвовать московским староверам большое напрестольное Евангелие в серебряном окладе, которое благоговейно хранилось в алтаре Покровского храма.

В 1805 году попечителю Рогожского кладбища купцу Илье Фокичу Шевякову удалось без осложнений начать строительство по проекту архитектора Ильи Даниловича Жукова теплой (отапливаемой, зимней) часовни во имя Рождества Христова. В этом храме регулярно собирались всероссийские соборы духовенства и мирян, управлявшие Церковью.

Рогожское кладбище надолго встало костью в горле у новообрядческого духовенства. В начале XIX века Андрей Иванович Журавлев, сначала беспоповец Федосеевского соглашения, а затем протоиерей Синодальной Церкви, с возмущением писал: «Я верное имею свидетельство, данное мне от честных поповщинских людей, что сие Рогожское кладбище или монастырь имеет ныне до двадцати тысяч душ. Толикое число людей в краткое время после мору возросло и умножилось. А место или оный монастырь служит ныне камнем преткновения и соблазна всем простодушным святыя Церкви чадам. Ибо селянин непросвещенный не успеет двух раз побывать на их мольбище, поглядеть на их протяжную службу, увидеть их крестное хождение, которое они оправляют, как вышедши и хвалит уже их обряды, называя оныя святою стариною, а в наших церквах святых присмотренное обычное служение — новою верою. По ней-де не спасешься»¹⁸³.

Вокруг кладбища выросла Рогожская слобода. Кроме храмов здесь располагались шесть богаделенных палат, сиротский дом, дом умалишенных и приют, а также дома священников и пять женских монастырей. В 1845 году этими обителями управляли настоятельницы Пульхерия, Александра, Девора, Маргарита и Мелания. Инокини и послушницы непрестанно читали псалтырь по умершим, а также занимались рукоделием: вышивали шелками, золотом и бисером, плели пояса и лестовки, пряли лен и ткали холсты.

Мать Пульхерия (в миру Пелагея Анисимовна Шелюкова), прожившая в Рогожской слободе без малого девяносто лет, была одной из влиятельнейших фигур в старообрядчестве. Без ее участия не решался ни один важный церковный вопрос. Крепчайшая в благочестии, прославленная подвижнической жизнью и начитанностью, она пользовалась среди староверов непререкаемым авторитетом.

Считалось, что схимница Пульхерия, истомившая плоть тяжкими железными веригами, обладает даром прозорливости и пророчества. Сам московский митрополит Филарет (Дроздов), могущественный иерарх Синодальной Церкви, оказывал ей глубокое уважение.

¹⁸² Макаров В. Е. Очерк истории Рогожского кладбища в Москве. М., 1998. С. 10–11.

¹⁸³ Журавлев А. И. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках. С. 264–265.

Для начальства над кладбищем и богадельнями была учреждена контора под управлением особых попечителей. Контора по своему усмотрению отправляла священников в отдаленные места для исправления треб. Священники возили с собой запасные дары, священное миро и святую воду. В лучшие годы на Рогожском кладбище служили 12 «беглых попов» и 4 диакона.

Наиболее известным и уважаемым служителем Рогожского кладбища был Иоанн Матвеевич Ястребов (1770–1853). В 1803 году отец Иоанн, благочестивый священник Владимирской епархии, уверившись в истинности старой веры, оставил Синодальную Церковь и ушел в Рогожскую слободу. Здесь со своей супругой матушкой Евфимией он прожил пятьдесят лет.

В 1812 году, когда Москву заняли французские войска, над старообрядческими храмами нависла угроза разорения. По преданию, отец Иоанн приказал закопать все ценности на кладбище. Свежие «могилы» были представлены французам как свидетельство начавшейся эпидемии. Захватчики побоялись раскапывать «чумные могилы» и покинули Рогожскую слободу, ничем не поживившись.

Спасение церковных святынь доставило отцу Иоанну всероссийский почет и уважение. Зная об этом, митрополит Филарет неоднократно уговаривал почтенного священнослужителя вернуться в Синодальную Церковь, но Иоанн Ястребов, как истинный пастырь, отказывался покинуть свою паству. Состарившись и одряхлев, священник не оставил службы в рогожских храмах, хотя сам уже не мог ходить и его возили в мягком кресле на колесиках.

Формально храмы Рогожского кладбища считались часовнями без алтарей, поэтому в них служились только вечерни, утрени, полунощницы, часы и молебны, а также совершались венчания, крещения и исповеди. Умерших отпевали в Никольской часовне.

Венчаний совершалось великое множество, особенно в мясоед перед масленицей. Из-за тогдашней скудости священства на Рогожское кладбище приезжали венчаться староверы не только со всей Москвы и губернии, но даже из других губерний, порой весьма удаленных.

Иногда священники были вынуждены венчать сразу до пятнадцати пар – «гуськом», как тогда говорили. Для этого в Рождественской часовне хранилось 20 пар одинаковых бронзовых венцов. Для венчания богатых купеческих свадеб были устроены драгоценные серебряные венцы, вызолоченные, с бриллиантами и жемчугом. Крещения младенцев совершались в Рождественской часовне, для чего там находилось 46 купелей.

Исповедь священники принимали в часовнях, а иногда у себя на дому. Для записи исповедников в кладбищенской конторе были заведены особые метрические книги. По ним можно судить о количестве рогожских прихожан.

Например, в 1841 году у Иоанна Ястребова исповедовалось 922 души обоего пола. У других попов – от нескольких сотен до полутора тысяч. Говевшие и исповедовавшиеся причащались в часовнях запасными дарами. Для этого после службы часов четыре священника с потирами¹⁸⁴ становились двое по клиросам, а двое у северных и южных диаконских дверей алтаря и причащали каждый своих духовных детей.

Раз в году, в Великий Четверток, тайно, дабы не навлечь гнева властей, священники служили литургию для освящения запасных даров, пользуясь переносной походной церковью древнего освящения.

В 1813 году, по окончании войны с французами, Москва была занята донскими казаками, большинство которых было староверами. За исправлением треб они обращались на Рогожское кладбище. В благодарность за духовную поддержку войсковой атаман граф Матвей Иванович Платов, по преданию, сам бывший старообрядцем, оставляя столицу, по просьбе Иоанна Ястребова подарил кладбищу древнюю походную церковь, освященную во

¹⁸⁴ Потир – чаша, применяемая при освящении вина и принятии причастия.

имя Пресвятой Троицы. Власти разрешили служить в ней литургии по большим праздникам¹⁸⁵.

Эти службы, собиравшие тысячи богомольцев, в течение десяти лет совершались в часовнях истово и благочинно: «Перед древними иконами в драгоценных ризах, блистающих золотом и камнями, зажигались пудовые свечи. Служба шла чинно, со всем соблюдением устава. На клироске пел по-старинному хороший хор певчих. Особенною торжественностью отличались на кладбище крестные ходы на воду в день Богоявления, Преполовления и др. Впереди шли с хоругвями избранные носильщики, все в кафтанах старого покроя. За ними следовали такие же избранные прихожане с иконами, потом священники в дорогих ризах, и все это чинно, в строгом порядке... Зрелище, до глубины сердца умилявшее истого старообрядца!»¹⁸⁶

О благолепии тогдашних богослужений свидетельствует богатство кладбищенской ризницы. В храмах и конторе хранились тысячи священнических фелоней из бархата, серебряной и золотой парчи, сотни епитрахилей, диаконских орарей и стихарей. До сих пор ризница Рогожского кладбища считается крупнейшим и ценнейшим в России собранием древних облачений и старинных тканей.

Рогожские попечители, купцы-миллионщики, с неслыханной роскошью украсили часовни. Правительственный чиновник «по борьбе с расколом» Павел Иванович Мельников, более известный как выдающийся русский писатель Андрей Печерский, описывал убранство кладбищенских храмов: «Часовни были украшены великолепно. Иконы превосходного древнего письма – рублевские, строгановские и др., в богатых серебропозлащенных ризах с драгоценными камнями и жемчугом, серебряные паникадила и подсвечники с пудовыми свечами, богатые плащаницы, золоченые иконостасы, великолепная утварь – все свидетельствовало как об усердии, так и о богатстве рогожских прихожан»¹⁸⁷.

К сожалению, до наших дней сохранилось (и то частично) убранство только Покровского храма.

Тот же автор сообщает, что «Рогожская библиотека была замечательна не столько по своей обширности, сколько по редкости находившихся в ней книг. Она была с особенною тщательностью собираема в тридцатых и сороковых годах <XIX века>. На приобретение редких рукописей и старопечатных книг в это время богачи денег не жалели»¹⁸⁸.

Император Александр I, внук Екатерины II, обещавший править «по закону и по сердцу бабки нашей», не досаждал Рогожскому кладбищу. Только в конце своего царствования он поднял руку на московское старообрядчество.

В январе 1823 года по доносу о «соблазнительных для православных богослужениях» был проведен обыск на кладбище, найдена и отобрабана походная церковь, стоявшая в алтаре Рождественского храма, а сами часовни запечатаны. Только благодаря ходатайству рогожских попечителей Антипа Дмитриевича Шелапутина и Василия Ефремовича Соколова часовни вскоре были открыты, но походную церковь власти не возвратили.

От попечителей взяли расписку в том, что впредь литургии не будут служиться. Но литургии все-таки совершались. Изредка и тайно их служили по ночам в присутствии немногих надежных людей в походных церквях в обителях матерей Пульхерии и Александры.

Совершенно невыносимым положение Русской Церкви сделалось при императоре Николае I, безудержном гонителе староверов. Правительственный указ от 10 мая 1827 года

¹⁸⁵ Герой Отечественной войны – старообрядец граф Платов // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1912, № 35. С. 837–838.

¹⁸⁶ Из рассказов и записок В. А. Сапелкина // Русский вестник. 1864, № 11. С. 190–191.

¹⁸⁷ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки поповщины. С. 415.

¹⁸⁸ Там же. С. 427–428.

запретил старообрядческим священникам переезжать для исполнения духовных треб из одного уезда в другой, тем паче из губернии в губернию и определял «в случае же переездов поступать с ними, как с бродягами».

Указом от 8 ноября того же года староверам повелевалось «отнюдь не принимать» новых «беглых попов». В январе 1836 года это определение было повторено с особенной силой.

Священники, перешедшие в Церковь до издания запретительных указов, признавались «дозволенными». Но попы, присоединившиеся к Церкви после 1827 года, считались «незаконными». Травля «незаконного» духовенства приобрела всероссийские масштабы. За священниками охотились военные команды, полиция и архиереи.

Новых попов было небезопасно принимать, а «дозволенные» умирали. К середине XIX века на Рогожском кладбище осталось только три «дозволенных» священника. Кроме того, здесь укрывались «незаконные» священнослужители поп Федор Соловьев, афонский архимандрит Геронтий и священноинок Иларий.

«Незаконных» попов и христиан, укрывавших их, ожидали жестокие наказания: тюрьма, ссылка или каторга. Вечным напоминанием о печальной судьбе инакомыслящих в царской России служил для жителей Рогожской слободы пресловутый Владимирский тракт (ныне шоссе Энтузиастов).

По нему гнали на сибирскую каторгу шеренги арестантов. «Владимирка начинается за Рогожской заставой, и поколениями видели рогожские обыватели по несколько раз в год эти ужасные шеренги, мимо их домов проходившие. Видели детьми впервые, а потом седыми стариками и старухами все ту же картину, слышали “и стон, и цепей железных звон”»¹⁸⁹.

Репрессии правительства Николая I привели к совершенному оскудению старообрядческого духовенства. Положение было крайне тяжелым. Перед староверами-поповцами обозначилась безрадостная перспектива превращения в вынужденных беспоповцев. Для Церкви жизненно необходимо было найти надежный и постоянный источник священства. Им мог стать только старообрядческий епископ!

В январе 1832 года в Москве состоялся многолюдный всероссийский собор. Проходил он не в Рождественской часовне, как водилось дотоле, а в кладбищенской конторе. На собор съехались депутаты со всей Руси: уважаемые священники, благочестивые иноки и ревностные миряне. Иоанн Ястребов объявил собравшимся, что среди них присутствует достойный человек, имеющий сообщить великую тайну.

— Он возвестит вам тайну сию. Он укажет средство отклонить навсегда затруднения в недостатке священников. Он даст нашему богоспасаемому обществу новую силу, крепость и жизнь. Вот он! Отверзите уши ваши и того послушайте!

При сих словах священник вывел на середину собрания молодого купца Афония Козьмича Кочуева (1804–1865), известного проповедника и знатока церковных канонов. С редким красноречием описал Кочуев бедственное положение русских староверов, вызванное репрессиями и оскудением духовенства. Говорил он и о том, что единственный способ сохранить Церковь — учредить за границей епископскую кафедру и пригласить на нее достойного русского или греческого архиерея:

— Непременно и неотложно надобно учредить архиерейство! Поискать надо, нет ли где на Востоке епископов, сохранивших древнее благочестие. А если таких не сыщется, пригласить русских, если же не пойдут, то греческих и принять согласно правилам святых отец. Жительство же устроить непременно за границей, и лучше всего в Буковине, так как тамошние старообрядцы имеют привилегии от австрийских императоров.

¹⁸⁹ Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 1968. С. 202.

Предложение Кочуева было единодушно одобрено. И раньше поповцы совместно с беспоповцами пытались найти архиерея, верного древнему благочестию, но безуспешно. Слова Кочуева вдохнули в них новые силы. Под покровом глубочайшей тайны начались новые поиски благочестивого епископа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.